

"Граф Орлов и мелкий фюрер (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

===== 1. К чему приводят опоздания или обо всём понемножку =====

Анне снился невероятный сон, в котором она спорила с Сальвадором Дали о необратимости прошлого и предопределённости будущего. И художник с ней уже почти согласился, когда в комнату вошла Гала и начала методично бить Анну по голове медным тазом. Размеренные удары рождали жуткий звон, и девушка испугалась за сохранность своих барабанных перепонок, коими весьма дорожила ещё со времён обучения в музыкальной школе.

- Прекратите! Я же оглохну! Я музыкант...

- Ммм... Анька, нахрена ты так орёшь? - недовольное хрипение на секунду перекрыло звон. И Аня вспомнила.

Это не Гала пришла отстаивать точку зрения мужа, это будильник решил, что хорошего понемножку и после такого абсурдного сна адов звон над ухом - именно то, что надо. А хрипит Катя. Она разругалась с московской подругой и осталась ночевать у сестрёнки-студентки, чтобы в темноте домой не ехать. А спать так хочется, потому что заговорились они вчера до поздней ночи и спать разошлись хорошо, если не после трёх. А ещё, вчера вечером Аня хотела сделать что-то очень важное... Завести будильник на час раньше!

- Мля! - весьма информативно высказалась девушка. - Меня Граф убьёт!

- Господи, Аня, кто тебя всё утро убивает? Если не заткнёшься, я им помогать начну... - пробурчала Катя и перевернулась на другой бок.

Аня не ответила, она носилась по комнате и судорожно искала колготки, свитер, расчёску, лифчик... Что девушка кидала в рюкзак и как выскакивала из квартиры, она уже не помнила. Только крикнула на выходе:

- Ключ на столе, дождись меня с пар! - услышала в ответ мат окончательно разбуженной Кати.

Графа в универе знали все. Не то, чтобы он был чопорным снобом, просто фамилия у Александра Григорьевича была Орлов. Он преподавателем английского только в этом году стал, и во время знакомства со студентами кто-то заорал пафосно «Граф Орлов!». Все поржали, Александр Григорьевич такое представление своей персоны одобрил, и уже до конца недели прозвище к человеку приклеилось накрепко. Ну, и стиль в одежде мужчина предпочитал деловой, за что его лично Аня уважала.

Вот только спрашивал он строго, свой предмет страстно обожал, а над опаздывающими, не учащими и тупящими жёстко стебался. Аня ему в этом обычно помогала и была уверена, что спуску ей за сегодняшний косяк не дадут.

Ещё в лифте Аня поняла, что что-то не так. К кнопке первого этажа пришлось слегка наклониться, а сосед-школьник почему-то смотрел на неё снизу вверх. И только на улице, огибая аномально большую лужу, девушка осознала страшное. Вместо своих удобных и мягких сапожек она обула катины ботильоны! Аня посмотрела вниз. После тёмно-синих джинсов циклолотки плотно обхватывали два кожаных монстра на сумасшедшей платформе. Эти монстры издевательски блестели на осеннем солнышке серебристыми клёпками и полосами, идущими чуть ниже чёрной кожи, там, где начиналась, собственно, платформа. Бооооже, сколько раз Анна думала завести в квартире кофе или хотя бы купить ментоловую жвачку, чтобы по утрам голова быстрее включалась... Но кофе не нравился, а от жвачки в далёком

детстве отучили брекеты... и вот, результат налицо! Вернее, на стопу... плохо, в общем, получилось! И не побегаешь на этих ходулях, особенно, если даже ходишь на них с трудом.

Размышляя о прогрессирующей рассеянности и рефлексирюя на тему потенциального опоздания, девушка неслась в универ. Как хорошо, что до него идти всего минут пять! Это если в нормальной обуви. А ещё ведь лужи и листья жухлые... Аня доковыляла за четверть часа. У дверей аудитории она оказалась уже после звонка, зато одновременно с преподавателем. Александр Григорьевич окинул неожиданно подросткую студентку насмешливым взглядом, оценил покрасневшее лицо, запыленное дыхание и общий виноватый вид. Хмыкнул.

- Здравствуйте, Александр Григорич, хха... извините пожалуйста, я... такого больше не повторится, - зачистила Аня, заламывая брови и издеваясь над своими лёгкими. Отдышаться бы сейчас, а не болтать.

Мужчина не ответил. Он ещё раз оглядел студентку насмешливыми серыми глазами, открыл дверь - специально погромче о стену грохнул - и аристократично, по-графски как-то, склонил голову.

- Прошу, майн фюрер. Не откажитесь войти. Или для вас теперь все потолки низкими стали? - сказал преподаватель достаточно громко, чтобы услышали остальные студенты. Услышали и заценили обращение.

- Благодарю за приглашение, ваше благородие, - привычно пробормотала Аня, бочком проходя в аудиторию и уже начиная улыбаться. Она вообще много улыбалась: язвительно, злорадно, грустно, радостно, от нервов... «Ах, маменька, не делайте мне нервы!». Однокурсники зашептались и захихикали, но это девушку совершенно не задело. Ситуация же правда забавная.

А вот свист с задней парты и вопрос, нафига ей ходули, заставили Аню резко выпрямить спину, вздёрнуть подбородок и улыбнуться шире.

- Ну как зачем, чтобы в глаз тебе плюнуть было удобнее, разумеется, - безмятежно выдала она и села на своё место. Шутка была так себе, но пока сойдёт.

- Бобровский, не обижай мелкого фюрера, - приказал Граф, выискивая что-то в своей папке с бумажками. - Она же тебя морально изнасилует и физически своей новой обувью покалечит.

Аня гордо приосанилась, но всё же сочла нужным сообщить:

- Я не мелкая, я мобильная! И вообще, почти метр шестьдесят!

Студенты опять захихикали.

- Почти? - Граф заинтересованно выглянул из своих бумажек.

- Ну да, - легко согласилась Аня. - Ровно метр пятьдесят девять.

Граф коротко усмехнулся, небрежно пригладил чёрные волосы и вышел из-за кафедры.

- Окай, let's start, - итак, давайте начнём.

И пара началась.

- Что, никаких идей? - от разочарования Александр Григорьевич даже перешёл на русский.

Есть в английском языке такие фразы, которые из-за омонимов было крайне сложно понять и перевести.

- Идеи-то, может, и есть, так ведь неправильные, - буркнула Аня. Она как раз доплела косу и сердито уставилась на упущенную прядку. Чуть волнистая каштановая прядь болталась у виска и в воздухе растворяться не желала. Аня психанула, распустила волосы и скрутила на затылке пучок, закрепив его простым карандашом.

- Хотел я, чтоб вы все вместе подумали, но как-то не получилось. Самошина, иди, напиши, что придумала, - предложил Граф, едва девушка убрала руки от своей головы.

Аня встала, нервно дёрнула вниз свитер и потопала к доске. Икры немножко покалывало. Девушка задумалась об этом и чуть не улетела прямо к кафедре, споткнувшись о чей-то рюкзак.

- Майн Фюрер, вы, безусловно, возвысились над всеми нами, но снизойдите пожалуйста до того, чтобы смотреть под ноги, - весело попросил Александр Григорьевич.

- Всенепременно, ваше благородие, - улыбнулась Аня, снова дёргая свитер. Временами, вот как сейчас, она начинала жутко стесняться своей полноты, хотя критичного ничего не было. Небольшой животик всегда скрадывала одежда, и в то же время изгиб талии, круто переходящий в округлость бёдер рубашки и свитера только подчёркивали.

Девушка цапнула из рук преподавателя маркер и начала расцвечивать белую доску чёрными буквами, медленно передвигаясь от одного конца доски к другому. Оранжевый свитер пополз вверх, обнажив тонкую полоску кожи над джинсами. Аня в смущении закусала губу и продолжила писать.

Граф пробормотал что-то невнятное на испанском языке. Аня испанский хоть и учила, но ещё совсем непродолжительное время, а потому из всего предложения разобрала только «стол».

- Что? - девушка неуверенно обернулась к преподавателю.

- Извини, отвлёкся, - ответил Граф, почему-то покашливая и бегая взглядом по доске. - Закончила? Отлично, только «illumination» пишется с двумя «L», а в начале предложения не «милый», а «олень».*

- Обожаю эти два слова, - Аня хихикнула. - Скажешь, и непонятно, посюсюкала или оскорбила.

Студентка протопала обратно к своему месту, и пара продолжилась.

- Ты чё сегодня на моде? - спросила Аню однокурсница во время перемещения из одной аудитории в другую. - Свитер, джинсы и вот ЭТО. Выше меня стала, мать!

- Не поверишь, Юль, проспала и не заметила, что обуваю, - звонко рассмеялась Аня.

- Не знала, что у тебя в шкафу такие шмотки водятся, - призналась Юля, накручивая на палец русский локон. - Поносить дашь?

- Не могу, это сестры, - сказала Аня извиняющимся тоном. С Юлей они общались очень хорошо, хоть и познакомились всего два месяца назад, на второй день обучения в универе.

- Та ничё, всё равно б в клубе рухнула, - Юля хриловато усмехнулась и махнула рукой.

- Заболеваешь, - хмуро констатировала Анна. Собеседница закатила глаза.
- Mamochka, только не надо меня лечить!
- А я не буду. Я на тебя Мише твоему нажалуюсь, пусть заставит шапку носить! - посулила девушка.
- Блядь, Ань, лучше б Графа поучила. Он, вот, на уроке кашлял, - привычно проворчала Юля.
- А он не болеет, - невозмутимо возразила Аня.
- Но кашлял же!
- Может, подавился чем, - Анне осталось только плечами пожать.
- Угу, слюной подавился, глядя, как ты у доски топчешься. Граф нашёл свою шальную императрицу,- пропела Юля, шутливо пихая подругу в бок.
- Мля, какая я тебе императрица? - изумилась Аня.
- Шальная! - радостно провозгласила Юлия.
- Гуляааай, шальная, - на автомате начала Аня. Была у неё привычка на каждое слово запевать песню. Музыкальное образование - страшная вещь. Юля расхохоталась и песню подхватила.

===== 2. Простите-извините или о минусах хорошей памяти. =====

- Heu, Maria! - поздоровалась Аня и улыбнулась, услышав весёлое «Heeey!» в ответ.

Со смешливой сероглазой Марией Аня подружилась давно, в языковом лагере. Сейчас их разделял океан и километры суши, но - слава Богу - замечательной программе «Skype» было вполне по силам ненадолго соединять Колумбию с Россией. Подруги звонили друг другу раз в пару недель или месяцев, делились новостями и обсуждали такие постоянные величины, как бестолковые красивые парни, котики и казусы, случающиеся у каких-нибудь переводчиков.

- By the way, I wanted to ask you about one phrase, - (кстати, я хотела спросить тебя об одной фразе) начала Аня и старательно воспроизвела то, что запомнила, когда Александр Григорьевич решил поговорить на языке латинских народов.

Мария выпучила глаза.

- Are you sure? - (ты уверена?) настойчиво спросила колумбийка.
- Almost, - (почти) ответила Аня, несколько удивлённая реакцией подруги. - So, what does it mean? - (так что это значит?)
- Who told you that? - (кто тебе это сказал?) осторожно поинтересовалась Мария.

Аня нетерпеливо вздохнула, но рассказала всю историю от начала до конца. Смена эмоций на лице колумбийки была забавной, но очень нервировала.

- Mgm... He wants to... he said... He wants you! - (он хочет... он сказал... он хочет тебя!) выпалила Мария, явно убрав из перевода три четверти исходного предложения.

- No, no, no, I heard something about table. Stop kidding! - (нет, нет, нет, я слышала что-то про стол, хватит прикалываться!).

- You don't wanna hear the whole sentence, - (ты не хочешь услышать всё предложение) убеждённо сказала жительница Колумбии. Анна наградила её тяжёлым взглядом. Мария обречённо вздохнула. - «I wish to see you moaning for me on this table, little rebellious fairy*», that's what he said, - («я мечтал бы увидеть, как ты стонешь для меня на этом столе, маленькое воинственное существо из сказок», вот, что он сказал).

- Are you sure??? - (ты уверена?) теперь спрашивала Аня. И не то, чтобы очень хотела знать ответ.

- No, because the phrases you told me were not complete sentences. You missed something, - (нет, потому что сказанные тобой фразы не были нормальными предложениями. Ты что-то пропустила) немножко язвительно ответила Мария. И добавила: - There also was something about fu... sex with you, - (там ещё было что-то о том, чтобы тебя тра... заняться с тобой сексом).

- Fuck!** - эмоционально резюмировала Аня.

- Exactly, - (весьма точное слово) мрачно пошутила колумбийка.

- Oh, fuuuck...

Фразы-фразами, столы-столами, а в универ всё-таки ходить надо. Аня прилежно ходила, на лекции Графа старалась больше не опаздывать и болтать не по делу стала в три раза меньше. И даже полторы недели нормально отучилась. Александр Григорьевич заметил, но шурился и молчал. Однокурсники не молчали. Молодые умы требовали хлеба и зрелищ, и если отбирать у мелкой Самошиной первое никто не рвался, то обеспечить вторым требовали все.

- Чё, Самошина, кончились у тебя шуточки? Нечего сказать? - злорадно спросил высокий Бобровский, наклоняясь к однокурснице.

- А я вам, сударь, что, клоун, чтоб бесконечно прибаутками развлекать? Да и на кой вам, любезный? Вы же их всё равно понять не изволите, - иронично выдала Аня

- Ты не клоун, ты Джокер! - слышалось откуда-то сзади.

- Прости, но волосы, как видишь, не зелёные, - лениво ответила девушка.

- Арлекин! - заорал кто-то из девчонок.

Аня откинулась на стуле, развела руки в стороны и звонко запела:

- Аааах, Арлееекино, Арлекино! Нужно быть смешным для всех, Арлекино, Арлекино, есть одна награда - смех!

От двери раздались хлопки. Аня шутливо задрала голову и резко взметнула руки вверх. Потом посмотрела, кто стоит в дверном проёме, и лицу резко стало жарко. Жарко в подобных случаях становилось от дикой смеси всевозможных эмоций. Видимо, мозг впадал в панику и требовал себе больше крови.

Хлопал Александр Григорьевич.

- Здравствуйте, Александр Григорич, - как ни в чём не бывало улыбнулась Аня. Привычка у неё такая была - несмотря на панику, истерику и другой , делай вид, что так и надо. Поэтому желудок был награждён гастритом на нервной почве, а сама девушка - званием бесстрашной и неунывающей.

- Лучше бы ты, Самошина, на паре так заливалась, - сказал Граф, подходя к кафедре. - Раньше ты как-то бодрее отвечала.

- Красноречие - дар божий. Бог дал, Бог взял, - оправдалась Аня.

- Мда? Что, прямо специально с моих пар взял? - скептицизмом от преподавателя фонило, как от Чернобыля радиацией. Его можно было черпать из воздуха ложками и смертельно травиться, как мышьяком.

- Ну что молчишь? - Граф снова обратился к Анне.

- Скажи, не молчи... - затянула девушка, но после этих слов и остановилась. Правда, продолжение студенты и так знали, а потому захихикали.

- Ай, косинус с тобой, - махнул рукой оскорблённый гуманитарий и перешёл на английский.

Аня всю лекцию старалась молчать и боялась даже гадать о реакции препода на свои гипотетические комментарии. Только один раз не удержалась, и на какую-то цитату о словах ответила машинально:

- Некоторые слова лучше не то, что не знать, даже не слышать, потому что запомнишь, узнаешь, и с этим надо будет жить...

- Что-что, Самошина? - погромче спросил Александр Григорьевич. От едва заметной агрессии в голосе Аня сжалась. Очень сильно на неё чужие эмоции влияют.

- Не-не, Александр Григорич, простите пожалуйста, я отвлеклась... - осознав, что почти повторила давешние извинения препода, девушка напряглась ещё сильнее. Даже опустила до того, что испуг всё же скользнул во взгляде, несмотря на вечное улыбающееся «так и надо».

Граф на это тоже весьма странно отреагировал. Он собственной фразой подавился. Помолчал секунду - пережёвывал, видимо - слова свои проглотил и продолжил занятие.

После звонка на перерыв, когда студенты выплывали из аудитории, Аня услышала неожиданное:

- Самошина, задержись пожалуйста.

И она задержалась. Получила сочувствующий взгляд от Юли с Мишей, любопытные от других ребят и показала им всем язык. А что ещё оставалось? Так и надо! Девушка покорно подошла к учительскому столу. К тому самому злополучному столу. А стол был добротный, деревянный, на широких устойчивых ножках. На такой двух Ань уложить можно, и ещё немного места останется. Лицу снова стало жарко, в ушах застучало, дыхание спёрло. В непослушной голове с излишне развитой фантазией вихрем пролетели варианты возможных событий. Вот Александр Григорьевич встаёт, закрывает на ключ сначала тяжёлую металлическую дверь, потом старую деревянную. Металлическая закрывалась бы с неприятным гулом, а деревянная обречённо скрипела бы. И замочек бы щёлкнул отвратительно громко. А Аня стояла бы дура-дура, ни сказать ничего, ни сделать. И спрашивать «Что вы делаете?!» язык бы не повернулся. И

Александр Григорьевич подошёл бы к клятому столу и к дрожащей Ане, усадил бы её, как куклу, на деревянную поверхность... Или наклонился бы к ней с высоты своих метр восемьдесят с лишним и разложил поверх своих драгоценных бумаг...

Но пока, к счастью, ничего такого не происходило. Аня всё ещё шла к столу и сделала не больше трёх шагов, а напридумывала уже чёрт знает, что. Ноги были как ватные и нормально идти не хотели.

Александр Григорьевич секунд десять перебирал свои бумажки, а потом, наконец, поднял взгляд на притихшую студентку.

- Я бы очень хотел узнать, что... Ань, тебе плохо? - с сухого раздражённого тона преподаватель сбился на взволнованный.

- Нет-нет, Александр Григорич, всё в порядке, - поспешно ответила девушка, чувствуя, как лицу становится ещё жарче.

- Я вижу, - хмуро ответил Граф, всматриваясь в покрасневшее лицо своей студентки.

- Нет, правда, всё в порядке, у меня такое иногда бывает, само пройдёт, - сказала Аня и беспечно улыбнулась. Так и надо, так и надо, так и надо...

- Ну ладно, - недоверчиво сказал Александр Григорьевич и заставил себя вернуться к прерванному вопросу. Не хочет говорить - не надо. Но если в четверг такая же красная будет, он её сам в больницу отведёт. За ручку. - Я хотел узнать, что с тобой уже неделю происходит. Вопросы мимо ушей пропускаешь, мямлишь что-то, тесты на четвёрки съехали. Домашнее задание, небось, тоже не делаешь. Я непонятно объясняю? У тебя какие-то вопросы? Проблемы?

- Простите, Александр Григорич, я исправлюсь, - пообещала девушка, старательно отводя и опуская глаза. Ей не было так уж стыдно, но учителя всегда на этот жест реагировали положительно, и Аня его всегда повторяла.

- В этом я не сомневаюсь, у тебя тут даже вариантов нет. Но я не об этом спрашиваю. Я спрашиваю, что происходит?

- Да ничего не происходит, - Аня пожала плечами. - Осень заканчивается, Зима наступает, как там один поэт говорил...

- Ань, я ж не отпущу, пока не ответишь. Ты опоздаешь на следующую пару. Сошлѣшься на меня. Я буду отрицать. И оставлять после пар, - Александр Григорьевич говорил строго и убедительно, но смотрел настолько устало... «Все достали» - явно читалось в этом взгляде, и Ане стало очень неудобно. А ещё как-то странно приятно, что есть такие вот люди, которых всё достало, и которые всё ещё хотят кого-то чему-то научить и заставить слушать. И Аня решила сказать.

- Эмм... нну... в общем, когда я в тех ботах пришла. Вы меня ещё тогда фюрером называли... - неуверенно начала девушка. Брови преподавателя в удивлении поползли вверх. Почему она об этом вспомнила? - Ну... я, в общем испанский учу немножко. И на слова память хорошая... - тихо пропищала Аня с непередаваемой интонацией. - Вы извините, что я об этом заговорила...

Александр Григорьевич её уже не слушал. Он закрыл лицо ладонями, посидел так и издал

какой-то придушенный звук, наполненный вселенской скорбью. Аня ещё раз попыталась извиниться.

Преподавателя стало как-то немножечко жаль, так ему сейчас было сты... плохо. Да, плохо. Мужчина оторвал руки от лица и снова посмотрел на студентку. Зрачки почти скрыли радужку, и в этой черноте отразилась она, Аня, с румяными щеками, красными, покусанными, губами и крайне растерянным видом.

- Аня, прости пожалуйста. Давай будем воспринимать это всё как очень глупую шутку или вообще об этом забудем. Я ни в коем случае не хотел тебя обидеть или оскорбить и вообще не это имел в виду...

Преподаватель нервничал и нёс откровенную ерунду, но Ане стало настолько его жаль, что она только быстро кивала на все слова.

- Да, конечно, Александр Григорьевич, я исправлюсь, это вы меня извините, - вежливо отвечала девушка, представляя себе, как этот идиотизм выглядит со стороны, и стараясь не захихикать.

- Ну ладно, - Граф, наконец, взял себя в руки. Тряхнул головой и даже улыбнулся. - Конфликт урегулирован, стороны пришли к соглашению. Беги на пару.

И Аня побежала.

- До свидания, Самошина! - донеслось из аудитории насмешливое.

- До свиданья! - тут же зазвенело весёлое в ответ. - Мой любимый город...

Александр Григорьевич хмыкнул и покачал головой. Вот же странное существо. Извинялась тут ещё... птичка-певичка, блин. И ведь не обиделась даже.

===== 3.0 пользе и вреде печенек или неудобненько вышло =====

Прошла ещё одна неделя. Хотя номинально на календаре ещё была осень, в городе уже окончательно и бесповоротно обосновалась зима. На обочинах кое-где стали намечаться первые сугробы, водители проклинали мокрую кашу на дороге, прохожие кутались в шарфы, дули на замёрзшие пальцы и пониже натягивали шапки. Радовались только дети и пингвин в красном пуховике, которым на самом деле была укутанная по брови Аня. Она восхищалась узорами инея в тех редких случаях, когда их удавалось увидеть, фотографировала снежинки и вообще была бы счастлива, если бы не странные мысли в собственной голове. Они преследовали девушку везде, их не изгонял ни горячий чай, ни холодный воздух, и спокойно существовать с ними в голове было очень-очень сложно. Например, приходя в знакомую аудиторию Графа, Аня начинала думать о массивном преподавательском столе. О том, что деревянную дверь кто-то смазал, и она бы уже не скрипела обречённо... О том, что Александру Григорьевичу тоже стоило бы носить шарф, а то простудится. И ему обязательно нужно привезти с родной земли тульский пряник! Ну а вдруг он ещё не пробовал? Порадуется. А когда Александр Григорьевич радуется, у него глаза немножко темнеют, и это очень красиво. И сильные, явно привычные к работе руки, это тоже красиво. И имя у него красивое. Александрrrrrrr. А ещё Александр Григорьевич очень умный. Он столько всего знает и читает, и рассказывает так интересно, и голос у него такой, хочется слушать и слушать, и... На этом моменте Аня обычно тормозила и приходила в тихий ужас. А потом слух снова улавливал быстрю английскую речь, и всё начиналось сначала.

Александр Григорьевич странные взгляды мелкой первокурсницы замечал, но для себя интерпретировать не мог и решил не обращать внимание. Слушал её забавные комментарии и подначивал в ответ.

- Be quit please! I want you to listen! - (пожалуйста, тише! Я хочу, чтобы вы слушали!) повысил голос Граф. Первая пара - ужасное время, когда все хотят доспать или поговорить за жизнь. Последнее раздражало особенно.

Студенты затихли, а из второго ряда зазвучало писклявое:

- You can't always get what you wa-ant! - (не всегда ты получаешь то, что хочешь!). Эту песню Аня вообще любила, так ещё и в тему пришлось.

- Певица оперетты, я тебя сейчас на своё место поставлю и заставлю объяснять материал, вот таким же комариным писком, - пригрозил Александр Григорьевич

- Простите, - покаялась девушка совсем на грани ультра звука и замолкла.

Слово «Заставлю» закоротило мозг на каких-то совсем неправильных ассоциациях, и по спине пробежали мурашки, а в животе что-то ухнуло и запульсировало. Кажется, сердце искало экстренный выход к пяткам. И если бы от страха... Не от страха, и это самое ужасное.

После каждой пары на многих студентов неминуемо напал жор. Кто-то бежал к буфету, а Аня, как маленький хомячок, носила с собой маленький термос и какие-нибудь вкусняшки, которыми даже делилась. Только иногда и не со всеми.

- Ваше благородие, хотите печеньку? - вот кого девушка всегда хотела накормить, так это Графа.

- Пожалуй, хочу, - признал Александр Григорьевич и подошёл к мелкой благотельнице. - Сейчас ещё за чаем схожу... - мечтательно протянул он, аккуратно вытаскивая из пачки круглое овсяное печенье.

- Ой, да вы тогда ещё возьмите, - щедро предложила Аня и попыталась достать ещё печенье, не уничтожая при этом пачку.

Так старалась, что смахнула локтем свой пенал. Девушка уже привычно подхватила падающую вещь, только пальцы коснулись не мягкой ткани, а горячей чуть шершавой кожи. Почему-то, вместо того, чтобы забрать пенал и поблагодарить Аня подняла удивлённый взгляд на Александра Григорьевича и чуть погладила большую руку. Сам Александр Григорьевич с печенюхой в одной руке и трофеем в другой, до того тихо посмеивающийся над ситуацией, резко замолчал и тоже удивлённо посмотрел на девушку. Потом на свою руку и маленькие пальцы с короткими коготками. Открыл рот, чтобы что-то сказать, но Аня вдруг дёрнула головой так, что коса упала на плечо, и начала делать всё сразу: многословно благодарить преподавателя, ругать себя за неловкость, собирать вещи и доставать печенье. Хорошо, что голодные студиясы уже убежали, и этот позор видела только всепонимающая Юля, поджидающая у двери. Ну, и Граф, конечно, но тут он сам виноват, нечего быть таким... аристократично-обаятельным, вот! Извинившись до кучи и вручив обалдевавшему преподавателю аж три печеньки, Аня вылетела из кабинета.

- Ну ты, конечно, мдааа, - сказала Юля в коридоре.

- Сама знаю, - Аня печально вздохнула и потрогала горящее лицо. - Неудобненько вышло.

- Ты там, походу, шарф оставила...

- Та млиииин! - совсем расстроилась девушка. Такой дурой она себя не выставляла давно. - Ну нафиг, завтра заберу.

И никто не знал, что мягкий тёмно-розовый шарф Александр Григорьевич в тот день зачем-то унёс с собой. Завтра придётся вернуть, конечно, но если мелкая фюрерша надеялась забрать вещичку после ухода преподавателя, её ждёт разочарование...

===== 4. О шутках юмора или газету мне, газету. =====

Пятница — это замечательный день, когда студенты радуются, несмотря ни на что, как же, можно оторваться и выспаться! И когда у Ани по расписанию нет пары английского языка, но к Александру Григорьевичу всё равно идти пришлось, шарф же. После четвёртой пары универ, как правило, начинал пустеть, и быстрее всего закономерно исчезало большинство преподавателей. Александр Орлов в этот раз не исчезал, ждал странное существо, числящееся у него на первом курсе. Аня об этом не знала и костерила себя за рассеянность и глупую привычку откладывать всё на самый последний момент, шагая по пустым коридорам и лестницам. А если Александр Григорьевич уже ушёл? А если не ушёл, как в глаза ему смотреть и что говорить после вчерашнего позора? Не только неуклюжая и не в меру говорливая, так растяпа... Да и вообще, за сегодняшний день шарф вполне могли свистнуть. Это в том случае, если он вчера ещё в стенах универа остался... Шарф-то, как раз, вчера обитель знаний покидал, но об этом Аня тоже не знала.

Тёмная металлическая дверь была ещё не заперта, и девушка, надеясь на чудо и одновременно задаваясь вопросом «А что, собственно, делать, если чудо совершится?», тихонько поскреблась в дверь деревянную, потом надавила на ручку. К удивлению, облегчению и ужасу студентки, дверь поддалась, и ей ничего не оставалось, кроме как поправить рюкзак за спиной, судорожно и вполне бесполезно пригладить волосы... и, наконец, войти.

Александр Григорьевич сидел за неизменным своим столом, на котором, правда, не было никаких бумаг, и до того, как в дверь постучали, непедагогично раскачивался на казённом стуле. И гипнотизировал взглядом вязанную прелесть, аккуратно сложенную в центре стола. А потом в аудиторию просочилась очень виноватая на вид Самошина, и пришлось стать серьёзным и строгим педагогом.

— Здравствуйте, Александр Григорич, — тихонько поздоровалась вежливая студентка, неуверенно семеня к преподавательскому столу.

— Здравствуй-здравствуй, Самошина, — бодро отозвался Граф. — За имуществом пришла?

— Ага, — сказала Аня уже у самого стола и улыбнулась немножко извиняющейся улыбкой.

— И что его, отдавать тебе, что ли? — с сомнением спросил мужчина, наблюдая за сменой выражений лица своей студентки. Вот улыбка из извиняющейся трансформируется в смущённую, потом в удивлённую, на щеке появляется ямочка, одна бровь забавно приподнимается. Глаза из каре-зелёных становятся просто зелёными. Во превращение, хамелеону и не снилось! — Ну что ты удивляешься? Ты тут оставила такой замечательный шарф. Я его сберёг. И вот отдам я тебе шарф, а ты мне что?

— Я с вами вчера печеньками поделилась! — с обидой в голосе напомнила девушка, округляя

глаза и театрально вздёргивая брови.

— Но это было вчера, — серьёзно возразил Александр Григорьевич и придвинул шарф к себе, чтобы Аня не дотянулась. — А вчера я поймал твой пенал. К тому же, у тебя, оказывается, вон какой яркий платок есть. Не жадничай.

— Ну Александр Григорич... — просительно протянула Аня, с удовольствием помогая преподу ломать комедию и чувствуя себя при этом крайне странно. Она даже попыталась незаметно стянуть предмет спора прямо из-под рук Александра Григорьевича и, кажется, весьма его при этом позабавила.

— Что, всё-таки отдать? — прищурился Граф. И задумался, пригребая шарф ещё ближе к себе.
— Чего бы у тебя за него попросить, Самошина?

— А чего у меня за него попросить? — чуть напряглась Аня. Сердце как-то очень не кстати снова попыталось экстренно пробраться к пяткам. И вообще, весь организм какие-то странные процессы запустил. Без участия мозга, видимо. Александр Григорьевич думал.

— Даже не знаю, — мужчина откинулся на спинку стула. — Чай мне заваривает Антонина Юрьевна. По сыну она, видишь ли, скучает. Песни ты и так поёшь всё время. Стихи рассказывать ты уже слишком большая... — Александр Григорьевич позволил себе намёк на улыбку и неожиданно выпрямился, сверкнув глазами. — Знаешь что, Самошина? А нарисуй мне газету, — предложил он, опираясь локтями о стол.

— Какую газету? — не въехала Аня. «Нипанаятна-а-а!» — стонал перегруженный за пять дней учёбы мозг.

— Настенную. Плакат мне нарисуй. В других аудиториях хотя бы портреты классиков висят, а в этой стены голые, — посетовал Граф. И выглядел он в своём тёмно-сером костюме, с чуть лохматыми чёрными волосами и добрыми смешинками в глазах сногшибательно. По крайней мере, единственной благодарной зрительнице захотелось присесть. На стол...

— А на какую тему? — спросила девушка, спешно возвращая на лицо потерявшееся «так и надо».

— На тему плюсов изучения английского языка и посещения моих лекций, — сказал удивлённый Александр Григорьевич. Он-то пошутить хотел, а эта... Наивная душа.

— Ладно, — согласилась Аня, повергая преподавателя в ещё больший шок. И он уже хотел извиниться за глупую шутку, но... — Вам к понедельнику?

— Да как получится, — неопределённо отговорился Граф, чувствуя себя до крайности неловко. Озадачил ребёнка ни за что. Господи, надо было сразу шарф отдать, а не творить х... необдуманные поступки. Лицо у Ани стало очень-очень задумчивым и сосредоточенным, чёрные ресницы опустились, а когда поднялись, Александр Григорьевич занервничал. Не оттого, что не мог понять, красит девушка ресницы или нет, а оттого, что её глаза загорелись огоньком, очень похожим на фанатичный. Просто у Ани в голове уже роились идеи касательно того, как можно плакат украсить и препода подстебнуть так, чтобы придраться было нельзя. Творческие задания, как оружие направленного действия с вероятностью попадания в девяносто девять процентов, которые маскируются под бумажку с красками.

— Хорошо, — сказала студентка и направилась к выходу из аудитории, по-прежнему весьма задумчивая.

— Аня, — Александру Григорьевичу стало смешно. — Шарф-то забери.

— Ой, — смутилась Аня и развернулась обратно, уже начиная хихикать над собственной глупостью.

Александр Григорьевич встал из-за стола и подошёл к студентке. С шарфом, разумеется, надо же показывать положительный пример.

— На, горе, — Граф учтиво протянул девушке шарф двумя руками. Он очень старался не расхохотаться.

— Я не горе, я недоразумение, — весело поправила Аня, разглядывая Александра Григорьевича снизу вверх. А потом её ладошки, как и вчера, случайно накрыли руки преподавателя, и хихикать девушка перестала. — Спасибо, — пискнула она и вышла из аудитории, прижимая шарфик к груди.

Александр Григорьевич потёр руки, закрыл за Анной дверь и, наконец, расхохотался. Интересно, что она наваяет, эта фюрерша мелкая...

===== 5. О страхах и намёках или почему утро началось не с кофе. =====

Утро субботы для Александра Григорьевича началось несколько необычно, и да, действительно, не с кофе. Он ворочался на грани бредового сновидения и банальной действительности, сбивая простыню и нервируя кота. Тщедушного вида зверь по имени Вий Львович Орлов сверкал жёлтыми глазищами с подоконника, явно думая, что же за болезнь поразила хозяина. С ангиной как-то не так весело было... Сонная муть окутывала Александра и отвоёвывала у утра право повелевать бранным телом мужчины «в самом рассвете сил». Вибрация телефона на тумбочке сонную муть победила. Александр Григорьевич перевернулся на спину и потёр лицо. Голова после дурацкого сна была тяжёлая и неприятно гудела. Мужчина лениво стащил с тумбочки телефон и сощурился на экран.

«Анна Самошина хочет добавить вас в друзья. Общих друзей два,» - гласило письмо в голубом окошке.

Десять утра, суббота, женщины в квартире не появлялись месяца три, порнуха надоела, а Анна Самошина хочет дружить. В субботу, в десять утра. Ругаться или радоваться? Выбирать было откровенно лень, и Александр Григорьевич ограничился выгнутой бровью. Принял заявку и полез смотреть, что там за таинственные «общие друзья», и откуда они могли взяться. Первой оказалась преподавательница литературы Елизавета Карловна, очень добродушная женщина средних лет, а вторым молоденький смазливый зам кого-то из деканов. И если против Елизаветы Карловны Александр ничего не имел, то вот этот Егор Безукладников как-то напрягал и раздражал. У этого типа даже фамилия говорящая. Безукладников, без уклада, то есть. Без закона и без царя в голове! Вот зачем ему... мысль додумать не получилось, потому что неугомонная ранняя птичка-певичка «прислала личное сообщение».

Анна Самошина: «Здравствуйте, Александр Григорьевич) извините, что беспокою в выходной день, но я по поводу газеты. Может быть, у вас есть какие-нибудь цитаты на английском любимые? Или песни, или персонажи какие-нибудь? Чтобы я использовала. Не могу с нуля делать»

Мужчина попытался напрячь память. На ум вполне логично и ожидаемо пришли матерные частушки. Сам ум начал немилосердно болеть.

Александр Орлов: «Аня, ты ходячий сборник цитат и песен. Ты не можешь начать с нуля.

Привет, да».

Анна Самошина: «Александр Григорьевич, у меня правда не получается. Я уже полчаса сижу, порчу бумагу(((».

Александр Орлов: «Ты просто неправильно распределяешь время. Студент в субботу утром должен спать после тяжёлой пятницы».

Анна Самошина: «А я трезвенница и жаворонок. Пятница была не тяжёлая, я уже выпалась...».

Александр Григорьевич:

Ты невозможное существо

Смотри, захвастаешься, нимб потемнеет

«Хорошо, сейчас что-нибудь скину».

И скинул ей «World so cold», чтобы прониклась и в следующий раз не будила несчастных преподавателей странными просьбами. А потом очень несчастно поплёлся в ванную, умываться, а то голова отказывается работать. Вот ведь... жаворонок! Одним сообщением мозг вынесла.

Аня, закусив ноготь, пялилась в экран компьютера. Кажется, разбудила. И, очевидно по ответам, разозлила. Ну вот, хотела, как лучше, а получилось, как всегда. Девушка вздохнула и после недолгих поисков на просторах интернета отправила Александру Григорьевичу трек под названием «Sorry». Не настолько Аня бестолковая, чтобы такие прозрачные – тем более, музыкальные – намёки не понимать. А потом ещё картинку чего-то огненно-живого послала. Мир ему холодным из-за Ани стал, видите ли...

Пока Александр Григорьевич возвращал свои мысли к жизни посредством горячего душа, Аня успела двести раз испугаться, передумать и разозлиться на саму себя. Поэтому вдогонку горячей креатуре отправилось «Ой, извините, я случайно!». И смайликов, смайликов побольше... А вот губы кусать, наверное, хватит, а то их сожрать недолго, и зрелище будет совсем-совсем не милое.

Свежевымытый и уже окончательно проснувшийся Александр Григорьевич этому «случайно» не поверил ни на грошик. Скептическое хмыканье, набатом прозвучавшее в тишине квартиры, смутило даже беспардонного Вяя Львовича. Он как раз собирался боднуть головой волшебный коробок в руках хозяина, но, услышав от него столь непривычный звук, с размаху опустился тощим задом на одеяло и уставился на человека, ошалело растопырив уши. Аккуратно потрогал пальцы хозяина лапами мякнул с заметной неуверенностью.

- Это не твоя война, брат, - Александр Григорьевич погладил кота и отодвинул руку с телефоном. Вий только флегматично уркнул, прежде чем свернуться клубком на груди хозяина. Мне, мол, и дела нет, ты, главное, гладь.

А мужчина решил отправить музыкальное «Sorry» от Imagine Dragons. Мощная композиция, мама, помнится, перекрестилась, когда в первый раз услышала. От студентки ответа не последовало. Она, видимо, тоже в ауте была. После десяти минут тишины в чате, за которые

Александр успел пролистать все свои аудиозаписи и подраться с котом за спасительный стакан воды, телефон снова вибрировал.

Анна Самошина: «Спасибо) ...а можно ещё?»

Мужчина усмехнулся и отправил ей новое «Sorry»*. Ещё, так ещё. Сама песня, конечно, по-другому называется и в плейлист попала случайно, но извиняется в ней певец качественно. И признаёт за собой некоторые, гм... тёплые чувства. Да, пусть будут тёплые чувства. Хорошая формулировка.

В этот раз Аня, похоже, вообще отвечать побоялась. Александр Григорьевич достал из шкафа джинсы, надел их, угостил Вия сливками для своего кофе, разогрел в сковородке остатки жареной картошки... печально вздохнул и отправил Ане «Show must go on» (шоу должно продолжаться). Она же умная, должна понять. И Аня ответила. Ответила, скрепя сердце, и запасаясь обезболивающими для желудка, композицией битлов «Can't buy me love» (мою любовь нельзя купить). Александр Григорьевич нахмурился. А он пытался кого-то купить? У замечательных Beatles ещё много песен есть. Например, «Please, believe» (пожалуйста, верь)...

Аня перечитывала текст песни раз за разом и буквально чувствовала, как извилины в мозгу сворачиваются улитками. Что это, млять, значит? «I'll never do you no harm» (я никогда не причиню вреда)... Это открытое предложение? Обещание не ставить двойки и больше никогда не говорить на испанском? Просто любимый трек Графа, в который никакой особый смысл не вложен? КАК это понять?! Желудок уже начинал болеть, и Аня не нашла ничего лучше, чем спросить: «А мультики?»). Александр Григорьевич сначала немного не понял и несколько секунд неинтеллигентно пялился на телефон. Но потом... стало резко не до сгоревшей картошки и солёного кофе. Вот так, значит... Действительно, зачем изворачиваться, боясь обиды препода, если можно просто не отвечать. Неприятно. И неожиданно. Аня казалась честной и прямолинейной.

===== 6. О концепции счастья или со старшими надо соглашаться =====

Двадцать минут. Двадцать минут Аня просто сидела и ждала чуда. Пожалуйста, ну пусть произойдёт хоть что-нибудь. Пусть Александр Григорьевич кликнет на диалог с ней и напишет что-нибудь. Или пришлёт, наконец, название мультфильма. Или пусть у ноутбука обнаружится фея-крёстная-вирус и сотрёт нафиг эту тупую переписку! Вместе с памятью Александра Григорьевича. Ну почему, почему он молчит, почему требует от маленькой бестолковой студентки каких-то обдуманных решений? У неё же только и получается, что теряться, забываться и всё путать! Думая об этом, Аня трижды пролила кипяток, обожглась паром и уронила два ножа. Руки потянулись к клавиатуре. Кажется, пора запутать всё ещё больше. Ну не умеет она иначе!

Анна Самошина: «Мне вот из зарубежных всегда коты-аристократы нравились»).

Александр Григорьевич просунул голову в узкую горловину свитера, почувствовал в кармане джинсов знакомую вибрацию, прочёл сообщение и запрокинул лицо к потолку, надеясь прочесть там ответы на все вопросы. Ну что ей надо? Пальцы тем временем уже запускали аудиозапись, прикрепленную к сообщению Самошиной.

Мозг напрягся и резюмировал, что песню помнит, и мультик про родственников Вия Львовича смотрел. С племянницей, кажется. Александр Григорьевич расправил тёмно-синий свитер и сжал в руках телефон. Последнее сообщение, самое последнее.

В аудиозаписях «Вконтакте» оказалось невероятно много песенок из мультфильма, и мужчина

отправил первую попавшуюся. Это была какая-то ерунда про гаммы и арпеджио.

Анна Самошина: «Нееееет, пожалуйста, только не снова! Я уже закончила музыкалкууу!».

Александр Григорьевич хотел погулять на улице и не хотел отвечать студентке, считая это занятие нерациональным. Но думать он мог, что угодно. Стоя в прихожей своей квартиры в одном ботинке с телефоном в руке, вообще хорошо думается, как выяснилось.

Александр Орлов: «Всё было настолько плохо?».

Анна Самошина: «Всё было хуже. Нас заставляли скороговорки пропевать)))».

Александр Григорьевич фыркнул и обул второй ботинок. Вот где не надо, она смелая.

Александр Орлов: «Я всё ещё не верю. Требую доказательств в понедельник».

Аня подавилась бутербродом. Да зачем он это делает?! И кто объяснит, почему от обычного сообщения сердцу снова в пятки захотелось?

Анна Самошина: «Так я использую котов-аристократов?».

Александр Григорьевич как раз заходил в лифт и чуть не разбил головой зеркало, представив в своей аудитории на прекрасной белой стене безвкусное розовое пятно ватмана с сердечками и котиками. Аня, она конечно уникам, но всё-таки девушка, а девушка плюс котики равняется ванильной катастрофе.

Александр Орлов: «Не стоит. Мне больше нравились отечественные мультфильмы».

Анна Самошина: «Мне тоже».

И прислала песенку царевны из «Летучего Корабля».

Александр представил себе Аню в таком же огромном синем платье, как было у Забавы, с мечтательно-идиотическим выражением лица, поющую «Аааах, если бы сбылась моя мечта...», и стало очень смешно. Но летучий корабль он бы девочке построил. Без вариантов. Он не хотел больше писать. Он действительно хотел просто погулять по заснеженным улицам и подышать холодным воздухом, но не удержался.

Александр Орлов: «И какая же у тебя мечта, Самошина?».

Ане очень надоело анализировать и делать правильные выводы. Кому они вообще нужны, выводы эти? Долой эволюцию, будем тупыми!

Анна Самошина: «Не знаю. Быть счастливой?».

Александр Орлов: «Это ты меня спрашиваешь? Что же входит в твою концепцию счастья?»

Анна Самошина: «Не знаю. В мою концепцию счастья входит спокойствие души и уют. Сейчас моё счастье составляют тёплые плед и махровые носки. Ещё снежинки красиво падают)))».

Мудрый подход к жизни, правильный. Александр Григорьевич вздохнул и опять отправил Beatles. «Hello, goodbye» подходит к нынешней ситуации, как ничто иное.

Аня слушала. Каждое слово, каждый аккорд гитары заставляли жмуриться до боли и глупо улыбаться. Вот это уже похоже на признание. Да, это оно и есть. И на него обязательно нужно ответить... но не сейчас. Сейчас она просто не может. Сейчас она может написать «люблю Beatles» и чувствовать себя полной дурой, оттого, правда, не менее счастливой.

Александр Григорьевич даже разозлиться не смог, до того ответ девушки выглядел смешно и глупо. Но ладно уж, пусть рисует там хоть котиков, хоть печку русскую, хоть голых битлов. Пусть живёт спокойно эти выходные. Но из университета она никогда и никак не сбежит. И поговорить ей с Александром придётся. И Аня ещё скажет своё «Yes». Маленькая она ещё, а со старшими надо соглашаться.

You say yes, I say no

Ты говоришь: “Да”, я говорю: “Нет”.

You say stop and I say go, go, go

Ты говоришь: “Стой”, я говорю: “Уходи!”, “Уходи!”, “Уходи!”.

Oh, no

О, нет!

You say goodbye and I say hello

Ты говоришь: “Прощай!”, я говорю: “Привет!”.

Hello, hello

Привет, привет!

I don't know why you say goodbye

Я не знаю, почему ты говоришь: “Прощай!”

I say hello

Я говорю: “Привет!”

===== 7. О перформансе или в нём песни Beatles зверя будят =====

Понедельник. Студенты украшают этот бранный мир бледными похмельно-невыспавшимися лицами, а профессора мечтают разогнать по их умирающим организмам кровь старым дедовским методом. Ремнём, то бишь. Выделялись на фоне этого балагана только таинственно хихикающая, непривычно тихая Аня, задумчивый и капельку дёрганный Александр Григорьевич да офигевающе-улыбающаяся практикантка Леночка, которая стала свидетельницей того действия, из-за которого, собственно, эти двое были такие таинственные и дёрганные.

Леночка шла к аудитории Александра Григорьевича точно за Самошиной, всего на пару метров отставала, но женское чутьё на тайны и сплетни остановило прямо у порога и заставило между дверьми в аудиторию спрятаться. А Аня об этом не знала и потому говорила, как всегда, звонко и весело. Чтобы голос аж от стен отражался и в пространстве множился.

- Здравствуйте, ваше благородие! – сказала вежливая Аня, поддерживая ватман, норовящий развернуться.

- Привет, - Александр Григорьевич что-то сосредоточенно искал в ящике, склонившись над столом, как коршун над добычей, и не теряя при этом своей обычной аристократичности. - Доказывать пришла?

- Что доказывать? – оторопела девушка. Припомнила беседу «вконтакте» и устыдилась. А ведь считала себя человеком, все диалоги помнящим! – А-а-а, скороговорки. А, может, не надо? – хулиганство университетского масштаба, то есть стен-газета, было тихонечко и незаметненько уложено на студенческие столы.

- Не надо? – переспросил Граф и приподнял уголок рта в намёке на улыбку. Аня засмотрелась. За такую улыбку и глупости делать не жалко, и скороговорки петь. На табурете, чтобы в роль войти, значит.

- Нет, - студентка даже головой помотала для убедительности. - Я и так на парах пою, вы же сами говорили.

- Логично, - профессор уже совсем откровенно улыбался. - Это газета моя лежит?

- Ага, - подтвердила Аня, сминая пальцами рукава куртки и ручки белого пакета из какого-то супер-маркета.

- Показывай шедевр, - предложил Александр Григорьевич, задвигая ящик стола. Чтобы не отвлекал, наверное. От «шедевра» аниного.

- Да мне уже бежать надо, Александр Григорич, - быстро сказала студентка и начала тактическое отступление к двери, - Пара начнётся скоро. К вам студенты придут... Кстати, а почему ещё никого нет?

Александр Григорьевич усмехнулся, показывая, что смену темы оценил и запомнил.

- Потому что у меня в понедельник первой пары нет, - поделился он сокровенной тайной и неторопливо вышел из-за стола, заложив руки за спину. Ничего страшного не случится, если этот фюрер мобильный на пару немножко опоздает, а поговорить надо.

- А зачем же вы тогда так рано пришли? – поинтересовалась Аня, ставя брови домиком и продолжая ретироваться за... той частью, которую Александр Григорьевич и хотел усадить на свой стол.

- Студентов пугать, - ответил мужчина, медленно сокращая расстояние между собой и Аней. Он даже не солгал, потому что ничем иным в данный момент не занимался. Пугал. – И тесты составлять.

- А, ну, удачи вам тогда со студентами и тестами, - девушка улыбнулась, честно-честно посмотрела преподавателю в глаза и взялась за ручку двери.

Почему-то не убежала, а звучно хлопнула себя по лбу и сама пошла на сближение с объектом демонстративных опасений и тайных... размышлений. Долгих, глубоких и вдумчивых таких размышлений, которые неизменно приводили к мечтательным взглядам и бессмысленным улыбкам. Грустно быть влюблённой, да!

- Вот, - Аня протянула Графу пакет, который до этого держала в руках, - Это вам. Я бескорыстная.

И вот после этого феерического намёка на жадность, девушка всё-таки сбежала, чуть не прибив дверь Леночку и в очередной раз оставляя Александра в состоянии, близком к шоковому. Он даже сказать ничего не успел. Придя в себя, вздохнул, качнул головой, взвесил на руке пакет, поставил рядом со свёрнутым ватманом. В пакете скромно прятался тёмно-синий шарф крупной вязки. Александр Григорьевич смотрел на шарф и хмурился. От удивления. Неуверенно провёл по нему ладонью. Мягкий, хоть и колетса немного.

В дверь постучали, и мужчина стремительно обернулся, как пойманный на месте преступления шкода.

- Доброго вам утречка, Александр Григорич, - в аудиторию вплыла практикантка Леночка.

Граф облегчённо выдохнул. Леночка, конечно, ошибки в документах делала и не по делу иногда говорила слишком много, но на фоне других практиканток, студенток и половины пед-состава выгодно выделялась тем, что была замужем, мужа любила и к другим мужчинам не приставала. К Александру Григорьевичу тоже, что его радовало несказанно. Почему-то среди женщин считается, что если по миру поездил и больше четверти века назад родился, значит, завидный жених...

- Ой, а что это вы гладите? - прошептала Леночка. - Котика? Шарф??

- Да вот... - Александр неопределённо повёл рукой. Но Леночка в ответах не нуждалась.

- Ой, какая прелесть! А где вы его взяли? Нитки хорошие, мужу бы такой купила.

- А... мне подарили, - пробормотал мужчина. Когда особы женского пола впадали в шопоголическое безумие, ему становилось не по себе.

- А этикетки нет? - Леночка переводила горящий взгляд с профессора на шарф и обратно.

- Давайте посмотрим, - предложил Александр Григорьевич, чувствуя себя актёром в театре абсурда, который перепутал пьесы и играл Кота в сапогах в постановке про Собаку Баскервилей.

Леночка закивала, и пришлось доставать шарф из пакета и разворачивать. Практикантка восторженно вздыхала - шарф оказался длинный. Александр припомнил Анины слова о бескорыстии, и стало стыдно непонятно отчего. Только этикетки на шарфе не было. Совсем никакой, даже маленького язычка, на котором обычно инструкции по уходу за вещью написаны.

- Экие вам его рукодельники подарили. Сами, что ли, вязали? - расстроилась Леночка. Но потом увидела ватман и воспряла духом. - Ух ты, а это что? Шпаргалки грамматические? Портрет чей-нибудь?

- Помилуйте, какие шпаргалки, - с напускной суровостью сказал Александр Григорьевич. - Это я плакат попросил нарисовать.

- За оценку? - подозрительно спросила практикантка.

- Ну что вы, Леночка, - Граф укоризненно покачал головой, мол, как вам такое на ум вообще могло прийти, я же ни в жисть. Леночка смутилась. Ненадолго.

- А посмотреть можно? - робко попросила она, уже протягивая руку к приглашающее отогнутому уголку ватмана.

- Можно, - вежливо ответил Александр Григорьевич, жалея, что мама его слишком хорошо воспитала, и по рукам Леночке надавать не получится.

Леночка развернула стен-газету, и Александр напряжённо потёр шею. А Леночка вдохнула. Выдохнула. Издала какой-то странный звук: то ли откусывала и спешно глотала свой язык, то ли икать начала, то ли всхлип давила. Ой, как она с портретом угадала, оказывается!

- Какая... прелесть, - проикала девушка, дочитав текст газеты. - Как вас студенты - ик! - любят...

- Да, - не своим голосом выдавил Граф. Он-то, в отличие от Лены, мог уловить куда больше смыслов!

- Я пойду, - кое-как проговорила Леночка и поспешила удалиться, начиная хихикать уже в дверях. Даже забыла, зачем приходила, от потрясения.

А Александр Григорьевич остался один на один с... этим вот. Рядом, правда, ещё шарф лежал, но это не помогало. С плаката на мир смотрело гуманоидное существо мужского пола с подозрительно знакомой формой носа, цветом волос и оттенком глаз. Мужчина, нарисованный почему-то в серо-синих тонах, стоял на фоне тёмной-претёмной кирпичной кладки, которая плавно переходила в космическое пространство, украшенное созвездиями и туманностями. В стене - чтобы доломать психику наблюдателей, видимо - ещё было предусмотрено окошечко, и вдалеке виднелся сад. Или лес. Это Аня, вероятно, так Байрона припомнить решила. И персонаж с рисунка весь какой-то донжуанистый* был: руки за спиной сложил, сжимая в одной красную розу, развернулся одним плечом, голову склонил, улыбается краешком губ. А синий-то почему? Это что за намёки такие? Отсылка к Синей Бороде? Подозрение в нетрадиционной ориентации? Приглядевшись к разбросанным тут и там цитатам на кусочках белого фона, Александр Григорьевич убедился: получил за Байрона. И за Beatles. И за Шекспира, похоже, тоже, хотя им Граф первокурсников ещё не мучил. Но это всё ладно, в нагрудном кармане вместо классического носового платка сидел котёнок из клятого мультика! Маленький синеглазый с розовым бантиком на шее! Вот ведь... Байрон бьётся головой о крышку гроба, призрак Дали нервно курит под облаками! Так этих двоих ещё не объединяли! Перфоманс, блин!

Но добил Александра Григорьевича стишок. Замечательный стишок, выведенный округлыми золотыми буквами на левой стороне ватмана. Правую занял байроновский образчик мужской красоты.

Прелесть всю английских слов

Вам откроет Граф Орлов,

Он на perfect вас научит с самых языка основ!

Царей галантней во сто крат,

По духу он аристократ!

И испанским он владеет, просвещать умы он рад!

Цитаты Байрона он любит,

В нём песни Beatles зверя будят,

А кто предмет учить не будет...

Тот, право, сам тут виноват...

Воздух из лёгких Александра Григорьевича вышел со свистом. И вот, вроде бы, всё прилично, и придраться не к чему... под нарисованным в духе сюрреализма окном в тени угадывался массивный стол...

- Ну Самошина, ну... Фюрерша! - шипел мужчина, впившись взглядом в строки. - Я ж повешу! Не повешу думаешь?! - продолжил он разговаривать сам с собой. А потом ещё раз глянул на котёнка, нелепо выглядывающего из нагрудного кармана, и захохотал немного истерично. Нет, ну это ж надо было придумать...

===== 8. О канонах композиции или Профессор со взором горящим. =====

Во вторник Аня шла в универ, охваченная двойственными предчувствиями и мандражём. Потому как дров наломать - это всегда пожалуйста, а за последствия отвечать очень не хочется. Пара Александра Григорьевича в расписании была третьей, и желудок подсказывал, что Аня до неё доживёт вряд ли. Усугубляло самочувствие девушки и перманентное хихиканье с шёпотками в коридорах.

- Хорош, ну хорош...

- Да ладно тебе, не похож ведь. Криворучки рисовали...

- А чё синий-то? Мы о нём чё-нить не знаем?

- Не, ну котёнок там вообще не в тему, это все каноны композиции нарушает. Вот когда я в художественную школу ходил...

- Не граф он, хи-хи. Бледненький такой. Вампи-и-и-рчик, а-ха-ха...

- Да правильно всё. Аске... коре... аристократическая бледность, во! Тока шальной императрицы и не хватает.

Ане подумалось, что слухи погубят человечество. И стало от самой себя как-то муторно. Александр Григорьевич ведь просто стен-газету попросил, а она... на весь универ его ославила. Дёрнул чёрт ещё и синей краской рисовать! Оно конечно выглядит гармонично, но слишком современное общество к цветам предвзято относится. Но дело уже сделано... И теперь парни ржут, а девушки показывают непосвящённым фотки плаката на телефонах и шушукуются, выясняя, что ещё кроме английского рок-н-рола может разбудить в благородном Графе зверя. На эту тему Аня тоже много размышляла. И по всему выходило, что обувь, опасная для жизни и здоровья, стол преподавательский... и она. Вот после газеты этой, так точно! Сидит там, небось, удавку в ящик стола прячет.

При мысли о том, что у верёвки назначений вообще-то много, как и у галстука, который Александр Григорьевич иногда носил, у девушки в глазах на секунду потемнело, а морально ей

совсем поплохело. Обо всяком таком раньше думать следовало, когда предлагали! А сейчас... а сейчас шутка удалась, нормальный человек после такого не то, что интересоваться, здороваться не станет, опасаясь новую порцию опусов с экивоками получить! Граф, он ведь тоже не валенок дырявый, поставит Аню на место красиво и со вкусом при всей аудитории! И будет прав. Или не будет? Ведь девушка не знала, что всё вот так вот получится... Откуда ей было знать, что виновницей такого ажиотажа стала Леночка. И самое ужасное, что сегодня, двенадцатого декабря, у Александра Григорьевича День Рождения. А в подарок он получил... это вот.

Аня с силой провела руками по лицу и попыталась сосредоточиться на словах преподавательницы. От этой когнитивно-диссоциирующей ахинеи в голове надо срочно избавляться. Ничего, вот скоро уже третья пара, на ней всё и закончится. Вместе с Аниной жизнью, похоже. И вовсе не из-за вредного желудка.

В аудиторию с двумя знакомыми дверьми Самошина входила, как в пыточную. Она нервно улыбалась, всё время хихикала и стискивала Юлькину руку, отобрав её у Миши. Студенты увидели новую университетскую достопримечательность и загалдели. Александр Григорьевич настойчиво попросил всех рассаживаться.

- Александр Григорьевич, а... а это вам на День Рождения подарили, да?

Тощая и глазастая Настя всегда старалась быть впереди планеты всей и завести с каждым преподавателем панибратские отношения. Профессора такой фамильярности не терпели, Граф исключением не был.

- Hand made в современном мире весьма ценится, Синицына, завидуйте, пожалуйста, молча, - отбрил Александр Григорьевич. Поправил шарф, неожиданно пополнивший гардероб и идеально довершивший образ аристократа, и отошёл к кафедре. Совсем его допекли сегодня, видимо, раз "выкатать" начал.

Аня сгорбилась над своим конспектом и попыталась спрятаться от своей совести за волосами. Но голосу препода Анина причёска абсолютно не мешала, и к концу лекции девушка уже почти плакала от сознания собственной ничтожности и отвратности.

Самошина очень хотела, буквально мечтала убежать из аудитории в числе первых, она уже на паре собрала все свои ручки, карандашики и стёрки, спрятала термос в сумку... а когда вскочила со стула, случайно столкнула со стола блокнот. И он упал точнёхонько за батарею! Аня целых четыре секунды раздумывала, доставать или оставить и спасаться бегством. Но блокнотик любимый, сиреневенький с цветочками, с замечательными рисунками синей ручкой и набросками Графа! Маленький и такой беззащитный перед пылью. Аня душераздирающе вздохнула и полезла за имуществом под стол.

Достать из-за батареи блокнот было несложно. Труднее было без потерь отцепить от неё рукав свитера. Пыхтя и ругаясь шёпотом, девушка просидела под столом ту драгоценную минуту, за которую студенты выметаются из аудитории. Аня обернулась и замерла. Заставила себя покинуть тёплый угол и встать на ноги. Над столом возвышался невозмутимый и незыблемый, как снеговик в крещенские морозы, Александр Григорьевич Орлов. Со взором горящим и руками, за спину заложенными. Аня вдохнула поглубже, готовясь оправдываться, но мужчина её опередил.

- Аня, не убегай, - непреклонно попросил он.

Да приказал, чего уж там. Нельзя ж попросить непреклонно. Только глаза Александра Григорьевича не приказывали совсем. Они кричали, пылали, темнели таинственно, но не приказывали. И потому Аня осталась стоять, где стояла, запрокинув голову на профессора.

- Если ты нервничаешь из-за рисунка, то я не злюсь, - начал Граф, осторожно подбирая слова. - Я несколько раздражён из-за того что не совсем понимаю...

- Чего, Александр Григорьевич? - с неуверенностью спросила Аня после долгой паузы. С неуверенностью в том, что стоило сейчас рот открывать.

- Всего! - резко ответил мужчина и тут же сам себя оборвал. Вдохнул. На стол облокотился. - Извини. Старый я уже в угадайки играть, Ань, - проговорил он медленно, почти взглядом загипнотизировав. - Так что прямо спрошу. Как ты смотришь на то, чтобы прямо сегодня и прямо сейчас пойти в кафе? Самым длинным маршрутом. Со мной.

Сказал, замер и взгляд от Аниных глаз не отводит. Лицо у Александра Григорьевича стало мрачно-решительное, и выглядел он сейчас сильно старше своих двадцати восьми. Ну не привык он в серьёзных делах расшаркиваться и намёками сыпать! Если ответ важен, всегда прямо говорил. И теперь ждал, что студентка глазами забегаёт, что-то мямлить начнёт, отговорки придумывать...

Но Аня глянула недоверчиво, а потом засияла, как новогодняя ёлка: сначала глаза искорками зажглись, потом брови поднялись, губы в улыбке растягиваться начали, едва заметно дёрнулся нос.

- Положительно смотрю, - тихо ответила девушка, самой себе не веря. Она-то уже чёрти-чего напридумывала! Опять. - Александр Григорьевич.

Граф расслабился и улыбнулся.

- Да какой уж я тебе Григорьевич.

===== 9. О вдохновении или Лишь бы не свистело громко =====

До кафе шли медленно, потому что Александру пришлось к Аниным шагам примериваться. Девушка цеплялась за галантно предложенный ей локоть и никак не могла поверить, что это всё на самом деле происходит.

- А... а мы куда идём? - спросила Аня после того, как четвёртый ресторанчик остался позади. Погода была замечательная, снег под ногами весело хрустел, фонари казались большими звёздами (кое-кто утром не успел надеть линзы), и гулять было очень здорово, но надо же узнать пункт прибытия!

- Ты ничего не имеешь против «Вдохновения»? - Александр бросил взгляд на Аню и улыбнулся.

Он вообще с момента их выхода из универа улыбаться почти не переставал, то и дело косился на свою спутницу и покрепче сжимал её лапку, запакованную в перчатку. Всё это Аню, конечно, смущало, но и льстило невероятно. И Аня тоже улыбалась, иногда прикусывая губы, чтобы совсем уж идиоткой не выглядеть.

- Я там не была ни разу, - чуть запоздало ответила она, отвлёкшись кое-как от мыслей, что зря перчатки надела. Всё равно Александр Гри... всё равно С-с-саш-ш-ша рукам бы замёрзнуть не дал. - А это место не очень пафосное? А то я в свитере, джинсах... - спохватилась девушка.

- Нет, не очень. Маленький уютный ресторанчик, - заверил... Саша, сдерживая смех. Вовремя она спросила. - Ань...

- А? - тут же откликнулась девушка, старательно переставляя ноги и держалась за руку мужчины двумя своими. Гололёд ведь, чтоб его!

- Шарф сама вязала? - этим вопросом Александр весь вчерашний день мучился.

- Не. Я вязать не умею. Я его плела, - призналась Самошина, глядя на дорогу и не видела, как меняется лицо её собеседника.

- Как плела? - заинтересовался мужчина. Что макраме плетут он знал, но чтобы шарфы из шерстяных ниток...

- Ну, как фенечку, - попыталась объяснить Аня. - Я давно попробовать хотела, начала месяц на...

И тут у Александра в очередной раз зазвонил телефон. Пока он принимал поздравления и благодарил, девушка перевела дух. Не любила она всякие такие штуки рассказывать, на них окружающее общество реагировало всегда как-то неоднозначно... вернее, всегда по-разному, но однозначно не хорошо. Даже на подобные мелочи. Любое отклонение от привычной нормы - странность. Любая странность - плохо и опасно. По своим меркам Аня была самой обычной, по чужим ненормальной. Девиация ходячая. И плевать на мнения всяких там мимокрокодилов, всё равно хорошего ничего не скажут никогда. К тому же, они привыкают. Странностью больше, странностью меньше, это же Аня, от неё всего можно ждать: песни посередь урока, коротенькой и очень правдоподобной драмы о безвинно загубленной конфете, философского изречения в ответ на глупую шутку, кролика за пазухой... вообще, это шиншилла была, но какая разница?..

Только мнение Александра для девушки было важно, и так захотелось все эти странности пустить по ветру, как пепел развеять и стать... кем? Обыкновенной среднестатистической представительницей женского пола? Аня и сейчас себя таковой считала. И что-то внутри, в самом дальнем уголке сознания, твердило, что без всех этих «отклонений» она перестанет быть собой. Перестать быть собой равняется стать... никем? Аня помотала головой. Нет, не будет, она себя по ветру развеивать. Да, привычки будут меняться с годами, непременно будут, но непременно же останутся очень странными для окружающих. А если Александра такие странности напугают... что ж, пусть лучше сейчас, чем потом. Разочаровываться лучше как можно раньше, это Аня знала.

- В общем, шарф создавала самостоятельно, - раздалось над Аниной головой, отвлекая девушку от убийственно необоснованных и нелогичных размышлений. Потерявшись в душевном раздразе, она не заметила, когда Александр закончил говорить по телефону.

- А? Ага, - ответила Аня, вызывая у Графа тихий смех.

- И плакат сама рисовала, - мужчина скорее констатировал, чем спрашивал.

- Ну да, - совсем кисло подтвердила девушка.

- Поёшь, рисуешь, рифмы складываешь... есть на свете что-нибудь, что ты не умеешь?

- Молчать не умею, готовлю посредственно... - добросовестно начала перечислять Аня. - Врать особо не умею, из глины лепить, говорить по-немецки, чрево вещать, летать, танцевать...

Александр не выдержал засмеялся в голос, нагло обняв девушку одной рукой за плечи и прижав к себе, чтобы обижаться не вздумала.

- Пришли, честная моя. Заходи, - мужчина вежливо открыл перед Аней дверь в кафе, продолжая посмеиваться.

Девушка проскользнула внутрь, забыв разом обо всех выдуманных страхах. Пусть как угодно называет, если в конце «моя» стоять будет. На такое Аня согласна.

В фойе Александр помог ей снять куртку, повесил на вешалку и повёл девушку к столику в углу. Аня смотрела на него восхищёнными глазами и чувствовала себя первой леди сказочного королевства. Как мало девушкам надо для счастья! А ещё, они вдвоём, наверное, очень странно смотрелись: мужчина в синем костюме, похожий на дворянина с картинок, и мелкая девчонка в ярко-красном свитере и любимых заслуженных джинсах.

Кафе было небольшим, просто обставленным, но большие окна, тихая музыка и фантастическое освещение действительно... вдохновляли. На потолке лампы не горели. Их там не было вообще. Освещались стены. Цветные огоньки, направленные лучами в разные стороны, расцветивали зал всевозможными оттенками синего, красного и жёлтого. Окно, рядом с которым усадили Аню, было художественно замечено снегом и показывало больше, что происходит внутри, чем снаружи.

- Тебя родители не хватятся? - как-то поздновато Александр вспомнил об этой незначительной детали. Которая, к слову, могла и имела полное право его самого дорогого лишить в случае чего...

- Родители в Туле живут, - беспечно ответила Аня, открывая меню. - Ко мне заходят в гости, когда в Москву по делам приезжают.

- То есть, ты тульчанка? - весело спросил мужчина.

- Тулячка! - с напускным гневом поправила Самошина. - А в... ты коренной москвич?

- А я вообще из Костромы, - Александр тоже взялся изучать список блюд.

Аня очень хотела спросить его, как он оказался в Москве, где учился и работал до того, как попал в её универ, но сигнализация в мозгу, заменяющая девушке тактичность, предупреждающе пискнула. Работала эта сигнализация по какой-то своей системе и от скандалов никогда не спасала, но Аня её всё равно старалась слушаться. А потому вместо наиболее интересующих вопросов спросила:

- Интересно быть преподавателем?

- Очень, - Александр усмехнулся каким-то своим мыслям. - Особенно из-за таких уникалов, как ты.

- А что я? - поднапряглась Аня.

- Учить интересно тех, кому интересно учиться, спорить с теми, кто умеет приводить аргументы. Тебя интересно учить. И шуточек твоих ждать тоже интересно, хоть они и могут сорвать пару, - мужчина снова усмехнулся.

- Это был лучший комплимент в моей жизни, - сказала Аня, думая, что С... Саша вообще многому мог бы её научить. Не только по теме английского...

Александр только фыркнул, исподтишка разглядывая девушку. Он сразу придумал, что будет заказывать, и последнюю минуту крутил в руках белую салфетку, а Аня за этим процессом почему-то наблюдала очень внимательно и в меню практически не смотрела.

- Что хочешь заказать? - спросил мужчина.

Его пальцы остановились на полудвижении, удерживая незаконченный белый кораблик. Аня вздохнула как-то странно, потом, сообразив, что обращаются к ней, подняла голову. От радужки у неё в глазах остался тонкий ободок золотистого оттенка, чёрные зрачки расширились. Графу даже страшновато стало: вдруг у Ани со здоровьем что-то не в порядке, и она просто побоялась преподавателю отказать?..

- А. Ну, греческий салат, наверное, и вот эту курицу... - неуверенно пробормотала девушка, быстро пролистывая меню.

- Хорошо. А пить что будешь? - Аня посмотрела чуть напряжённо, и Александр мысленно чертыхнулся. Пуганная трезвенница, точно. Как бы сильнее не напугать... - Сок, чай?

- Чай, - расслабилась девушка. И снова её взгляд метнулся к белой фигурке в сильных пальцах.

- Ты слышала об оригами? - поинтересовался мужчина и покрутил недо-кораблик.

- Кто ж не слышал? Это ещё один пункт в списке вещей, которые я делать не умею, - призналась Аня, переведя взгляд с рук Александра на его лицо. А он на неё всё это время, оказывается, смотрел.

- Хочешь, научу? - предложил мужчина и улыбнулся. Всё-таки, учитель, это не просто профессия. Привычки в мозг въедаются намертво.

- Хочу! - Аня тут же полезла за салфеткой. Вообще, папа её уже пытался учить, даже книжки по оригами покупал, но как-то не пошло. Ну не на углы у Ани мозг заточен! Зато можно безнаказанно на руки эти попялиться... Ну красиво же, как красиво пальцы двигаются, под кожей руки проступают вены и жилы, и можно представить, как под тканью рубашки мышцы перекачиваются, ммм... а мужчина ещё и улыбается чуть лукаво, как будто он сказочник странствующий, и ему всё-всё в этом мире известно. Только мысли Анины ему неведомы, девушка уверена. А значит можно разные интересные мысли думать. О красивых руках, да.

- Смотри, сначала сгибаешь вот здесь...

Когда официант приблизился к столику необычной парочки, Аня под чутким руководством Александра сделала уже два кораблика и доделывала лебедя.

- ... Два салата греческих, чай фруктовый в чайнике... Ань, ты на десерт что будешь?

- Он в меня не вле... - пискнула девушка, но такой её ответ принят не был.

- И два «Малиновых восторга», - решил Александр.

- Да не влезет...

- Цыц мне тут, я именинник! - шутливо пригрозил мужчина. Аня сдулась.

- Желаете ещё что-нибудь? - учтиво спросил официант.

- Принесите пожалуйста ещё салфеток, - попросил Александр, глядя, как Аня пытается сломать своему лебедю крылья. Из лучших побуждений, разумеется. Гуманитарий мелкий...

- Аня, ну зачем она тебе? - Александр не знал, смеяться, ругаться или плакать.

Дёрнул же чёрт скрутить из салфетки розу и напыщенно Ане протянуть, склонив голову. Ну кто знал, что она розу эту с серьёзным видом возьмёт, поблагодарит и аккуратно уложит в сумку!

- Красивая, - в четвёртый раз пояснила девушка. И добавила со своей неповторимой непосредственностью: - Мне бумажных цветов не дарили ещё.

- Я пошутить хотел, - признался мужчина чуть виновато.

- Тебе что, жалко? - ненатурально возмутилась Аня, и он успокоился.

Лёгкость, с которой Аня теперь «тыкала», стоила кучи испорченных салфеток, жгучего стыда оттого, что Александр не догадался купить цветов по дороге и так опозорился с бумажными, и разрушенных представлений о нормальном свидании. Да и чёрт с ним со всем, в самом деле!

- Я тебе в следующий раз подарю настоящую, - пообещал мужчина.

- Настоящая дорогая, - смутилась Аня.

Спорили они уже выходя из ресторана и садясь в такси.

- Зато настоящая, - отрезал Александр, размышляя, когда успел подхватить Анину привычку говорить по существу, высказываясь при этом пинком наизнанку. - Сначала девушку вот по этому адресу довести нужно, потом меня, - обратился он к водителю.

- Оплата... - заблеял мужик преклонного возраста.

- Ничего, - перебил Александр. Водитель хмыкнул, включил радио погромче и тронулся с места.

В машине было тепло. А ещё немножко, самую чуточку, тесно. И это самое «чуточку» позволяло Ане без малейших угрызений совести прижиматься к мужскому боку, а Александру обнимать девушку за талию. За окном мелькали фары машин, светофоры, рекламные щиты... Там кипела жизнь, там ветер подхватывал снежинки и закручивал их в стремительном танце, как закручивает судьба хоровод событий вокруг каждого из людей. А здесь, в салоне автомобиля, время текло медленно, сердца стучали неторопливо, играла какая-то музыка... И ни Ане, ни Александру было неважно, что там кипит за окном, - лишь бы свистело не слишком громко. Не важно было и то, где они находятся. Ане ужасно хотелось заползти мужчине на колени, укутать их обоих в плед и считать снежинки, пролетающие за окном. До бесконечности. Или хотя бы до весны...

Аню Граф провожал до самого подъезда. Вот и закончился вечер. Сейчас всё его очарование разобьётся о противный писк входной двери, затрётся надписями на стенах, развеется сквозняком парадной.

- Ань, - Александр мягко придержал девушку за руку у самой двери, дождался, пока она

обернётся и серьёзно сказал: - Спасибо.

- Тебе спасибо, - так же серьёзно ответила Аня. И оба понимали, что речь идёт конечно же не об оплате ужина и такси.

Девушка зачем-то - на волне того самого вдохновения, наверно, - встала на цыпочки, вздохнула, потупилась.

- Наклонись пожалуйста, я не дотягиваюсь, - смущённо прошелестела она, и в её глазах на секунду отразился убывающий месяц.

Александр послушно наклонил голову, заторможено осознавая, зачем его об этом попросили. Но когда понял... Аня точно в щёку метила, щека была светлая, бритая, и тёплая, наверно, только мужчина её губы поймал своими. Нахально, неожиданно и... и губы у него были сухие, обветренные, чуть-чуть оцарапали кожу. Девушка резко выдохнула, а Александр на мгновение прихватил её нижнюю губу, отпустил и отступил.

- За это тоже спасибо, - улыбаться Граф и не думал.

Ани только и хватило на то, чтобы кивнуть и скрыться в подъезде. И ни надписи, ни сквозняки вечер почему-то не испортили. И спать как-то расхотелось. Зато захотелось улыбаться. Им обоим. Сразу. Тепло ведь может быть не только от шарфа, правда?

===== 10. О двух неделях счастья или кто кого пригласил. =====

Москву под Новый Год замело. Не просто замело, а занесло, прямо-таки завалило снегом. Временами он начинал подтаивать, и это было весьма и весьма печально. Аня ругалась под нос, соскабливая с сапог грязь или поскользнувшись на заледеневшем асфальте, а у Александра останавливалось сердце, когда он пытался её поймать. Зато снежками кидаться было весело! И не важно, что на них бабушки из окон косились, как на людей с сорок седьмой хромосомой в генетическом коде! Дети маленькие их начинание одобряли весьма и поддерживали, а другие парочки косились с завистью.

Александр бы тоже так косился, если бы сам в действе не участвовал. Но Аня после первого же свидания свыклась с мыслью, что преподу вроде как можно тыкать, за руку держать, обнимать, целоваться и даже кусать аккуратненько, расслабилась и начала вести себя как... Аня. Другого описания Александр даже подобрать не мог. Во-первых, его так искренне только близкие родственники обнимали да и те не так часто, как Самошина. Она приходила в университет пораньше или оставалась после пар и просачивалась к нему в аудиторию, непосредственно заявляя, что она очень-очень соскучилась и вообще у неё тактильный голод. Подходила к креслу преподавательскому, обнимала со спины, ставила подбородок Александру на плечо и спрашивала, чем может помочь. Мужчина сначала вежливо отказывался, но уже на третий день усадил девушку рядом с собой проверять работы однокурсников. И не только их. Аня в силу отсутствия опыта и недостатка знаний проверяла медленно, каждую минуту что-нибудь спрашивала, иногда хихикала и всё время отвлекала интересными разговорами, но дело всё равно шло быстрее, чем без неё. Обращалась с вопросами по заданиям других преподавателей. А когда она не могла прийти, становилось скучно.

Всё это было странно для Александра. Вот, казалось бы, девушка. И подарки ей не нужны, и по кафешкам они за эти две недели больше не ходили. Зато он знает, где она живёт, и даже заходил один раз на чай. А теперь сидят вместе, тетради проверяют. Ясное дело, «чай» был именно чаем, ничего крамольного, не считая поцелуев у подъезда и на кухне. И розы

Александр девушке всё-таки подарил, нежно-розовые, из принципа не одну, а пять. Аня тогда весь вечер на него смотрела сияющими глазами и призналась, забавно запинаясь, что до этого дня вообще розы не любила... но розовая роза на языке цветов означает влюблённость, а ещё конкретно вот эти, подаренные, пахнут очень вкусно и вообще, они очаровательно-волшебные. И сам Александр тоже. Волшебный, да.

Ещё одно Анино отличие: говорить, о чём думаешь, как бы глупо ни звучало. Подумала, что мужчина у неё волшебный, замечательный и самый лучший, так об этом и сказала. И что волосы замечательные, их перебирать очень здорово, и что улыбается Саша здорово, и что голос завораживает... Первое время Александр совершенно терялся. Вроде как, это он комплиментами должен сыпать, а не наоборот. Он и сыпал. Аня сразу улыбалась, лезла обниматься, всячески ластилась. Ну, и снежками в мужчину кидалась на улице. Они даже снеговика слепили на выходных. Александр бы забеспокоился из-за резких изменений в поведении девушки, но на парах она по-прежнему демонстрировала всем желающим и не очень своё остроумие и начитанность.

При всём этом назвать Аню ребёнком было никак нельзя. Не после того, как она спела штук двадцать песен Высоцкого самой разной тематики, а потом разбавила песнями военных лет и походными. И тут же, без перехода, стала рассуждать о том, что не воспринимает смерть и не рыдает от долгой разлуки с дорогими людьми, при этом всегда невероятно радуясь любой встрече. Не после её «спасибо» тогда, после ресторана.

Аня же на эти две недели забросила мысли о всякой фигне и была очень счастлива. Только сообщениями Саше старалась не сильно надоедать. А он такой замечательный оказался. Ну совершенно невероятный! Слова такие добрые говорил искренне, двери открывал, объяснял всё терпеливо, слушал внимательно и даже в песнях подпевал. Сказал, на гитаре даже немножко играть умеет! Согласился с Аниной теорией пластичности будущего, на обнимашки всегда отвечает, и руки у него надежные, как щитом от всего отгораживают. Целоваться учит... Не то, чтобы Аня совсем уж не умела, но опыта у неё было определённно гораздо меньше.

Вот и сейчас мужчина её руки, на его груди скрещенные, погладил, повернул голову, коснулся губами её губ мимолётно, как бы напоминая, что так здороваться тоже можно. А у Ани голова кругом, и на словах сосредоточиться вообще невозможно.

- Мне сказали, ты участвуешь в новогоднем концерте.

- А. Ну да, - ответила девушка и - не удержалась - чуть потёрлась носом о голубую рубашку Александра. Хорошо, что она косметикой не пользуется и мужчину не испачкает!

- Меня интересует, почему я узнал это от третьих лиц, - ровно произнёс Александр и снова повернул голову в Анину сторону.

- А я не сказала? - изумилась студентка. - Прости!

- Ты не фюрер, ты партизанка, - вздохнул мужчина, выпрямляя спину. - Садись. Я хотел тебя на этот вечер пригласить кое-куда, а ты...

- А давай, я тебя приглашу! Сюда, в универ! В пятницу в полшестого! - Аня быстренько села на предложенный стул и хлопнула ресницами.

- Интересное предложение, - признал Александр и наконец-то улыбнулся. - Лилии, розы, тюльпаны?

- Чего? - немножко не въехала девушка. Точнее, въехала, но лучше бы уточнить.

- А, точно, ты же розы не очень любишь...

- Саш, я заранее люблю всё, что ты мне подаришь, но во-первых, у меня ещё те розы живы, а во-вторых... ну, ты же нас выдашь, - зачастила Аня. Насчёт роз она слукавила, цвела только одна, она позже всех раскрылась. Остальные благородно засохли и были выброшены к величайшему Аниному сожалению.

- Ты не хочешь, чтобы кто-то знал о наших... отношениях? - поинтересовался мужчина. Слышать это от открытой, патологически честной Ани было странно. Она его стесняется? Она в нём неуверенна? Она неуверенна в себе? Девушка посмотрела на Александр несчастными глазами.

- Саш... ты замечательный, ты самый-самый лучший... но они же будут говорить, а я абстрагироваться не смогу...

- Что будут говорить? - подтолкнул Александр. Он не любил долгие паузы.

- Что я за оценку на всё готова. Что ты со студентками... служебным положением пользуешься. Я понимаю, что это всё должно быть незначительно... но это страшно, Саш, - Аня продолжала смотреть на мужчину, но взгляд её изменился.

Ушла вся эта «несчастье» побитой собаки, голос стал на пару тонов ниже, лицо серьёзнее. Даже говоря о печальных событиях, девушка редко отказывалась от беспечной манеры речи, и Александр ей поверил. Возможно, для впечатлительной Ани сплетни действительно могли стать чем-то страшным. Да и работе его повредят почти наверняка.

- Ладно, приду без цветов, - сдался мужчина. - Но ты будешь должна мне танец.

- Я танцевать не умею! - взвилась Аня, возвращая в голос и жесты панику пополам с тоской. Серьёзная тема закрыта, можно дурачиться.

- У тебя два дня, чтобы научиться, - безапелляционно заявил Александр и щёлкнул студентку по носу.

Она попыталась возмутиться, но тут же звонко рассмеялась. Что она умела, так это переключаться с неприятных тем. Придётся учиться. Нельзя же Сашу опозорить...

===== 11. А снег идёт или лучший мой подарочек это ты. =====

- Девочки, девочки, никто не видел Николай Палыча? - грузная преподавательница бальзаковского возраста металась по аудитории мешая студенткам готовиться и способствуя растлению студентов, толпящихся за дверью.

- Не видели, Лизавета Аркадьевна, - отозвалась Юля. - Попробуйте в тридцать девятой посмотреть!

Получилось, правда, неразборчиво из-за шпилек, которые девушка в зубах держала. А Аня предлагала их подержать! Ну и что, что уже одну уронила, ей просто голос Саши из коридора слышался. Нет, ну а вдруг он пришёл уже, а Аня сидит в плену у подруги сади... визажистки с одним накрашенным глазом и кучей заколок в залаченных волосах! Ужас же натуральный.

Вернее, учитывая количество косметики, на Анином лице, искусственно созданный. Но всё равно ужас.

- Ну Юленька, ну милая, пусти меня пожалуйста, - заученно проныла девушка.

- Сидеть! - грозно пробурчала мадам Визажист. - Я не закончила ещё!

- Так у меня нервы закончились...

- Сиди смиренно, кому сказала! Сегодня мы твоё величество до глубины души потрясём!

- Не величество, а - ай, больно! - благородие, - тихонько поправила Аня, косясь по сторонам. Вон, все девушки уже уши развесили и гадают, какое у неё там благородное величество.

- Это не важно... Ась? Миш, чего там? - Аня увидела из зеркала, как Юля приподняла голову и встретилась взглядом с маячащим в дверях парнем. Посмотрела на жертву своих нездорово-художественных наклонностей. - Сидишь тут, никуда не уходишь, я быстро.

Аня покивала, Юля очень быстренько затемнила ей второе веко и убежала в актовый зал чего-то там обсуждать. Аня тут же вскочила со стула.

- Танечка, солнышко, расцелуй за меня Юльку! - крикнула девушка уже на выходе из аудитории. За стеной начинались какие-то разборки, и это было интересно.

Обзор ей закрывала широкая спина в чёрном пиджаке. Нарушать прописные истины физики Самошина ещё не научилась, и по инерции в спину эту влетела. Только лицо успела отвернуть, чтобы Александру костюм не испортить. Пудра же, тональник, тушь и тени... Помада... румяна... А в том, что это именно Александр, Аня не сомневалась ни секундоочки.

- Здравств... вуйте, Александр Григорьевич! - звонко и радостно оттарабанила девушка, незаметно, погладив пиджак там, где лопатки должны быть. Спина немножко дрогнула, как Ане показалось, удивлённо.

- Здравствуйте... - начал оборачиваться мужчина. - Анна.

Студентку - на каблуках высоченных, с блестящими глазами и в пышном платье фиолетовом, которое выше колен ножки открывало - невольно захотелось ещё и по отчеству назвать. Но отчество её Александр не вспомнил. И к лучшему, наверное. В этих туфлях и с макияжем Аня перестала быть похожей на дерзкую старшеклассницу. Сейчас ей можно было навскидку дать двадцать три - двадцать пять лет. Они вдвоём почти как ровесники будут выглядеть, стало быть. Это хорошо. Это замечательно.

Аня огляделась. Саша, оказывается, не только её... остановил, но и человек семь мальчиков, только с другой стороны от двери. Их даже парнями язык не поворачивался назвать. Смущённо-возмущённые, но очень решительно доказывающие, что им «Ну только на зеркало посмотреть, вдруг встало плохо!». Стало смешно.

- Ребят, а я слышала, там в зале стулья двигать надо и шариков ещё надуть! - сымпровизировала Аня. - И вообще, шли бы вы отсюда, а то Лизавета Аркадьевна переодеваться собралась. Не нервируйте женщину!

Студенты тут же разошлись, даже не особо ворча. Дверь в аудиторию с хлопком закрылась, отрезая от коридора женские возгласы и шуршание.

- Прекрасно выглядишь, - почему от этого банального, изъеденного молью комплимента по спине мурашки побежали?

- Спасибо, ты тоже... восхищаешь и потрясаешь, - честно выдала Аня, глядя прямо в добрые серые глаза. - А ты чего так рано пришёл?

- Увидеть тебя, - пояснил Александр. Честностью на честность. Девушка заулыбалась и сцепила руки за спиной.

- Эх, обнять бы тебя сейчас крепко-крепко! Но люди спуют...

Аня даже договорить не успела, а клятая дверь распахнулась, и из суетливой духоты выпорхнула студентка. Бросила короткое приветствие и поспешила куда-то.

- Очень жаль, что мы не сможем встретить новый год вместе, - произнёс Александр, зеркально повторив Анин жест.

Девушка открыла рот, чтобы ответить, но...

- Сказала же сидеть! - Аню схватили за плечи и потащили в аудиторию. - Здравствуйте, Александр Григорич! - бодро гаркнула Юля и прикрыла за собой дверь.

Александр постоял пару секунд в ступоре, качнул головой, спрятал смешок за хмыканьем и ушёл в актальный зал.

Концерт получился хороший. Пелись песни почти на всех языках, какие преподавали в университете. Аня весело отстукивала каблукками под песню Агузаровой и закрывала концерт АББой, обещая всем «Нарру new year». В частности, одному неслышно подпевающему черноволосому мужчине с третьего ряда. А в перерыве...

- Девушка, вы, кажется, обещали мне танец, - вкрадчиво сказал Александр, склонив голову и протянув Ане руку.

- Ничего подобного, - девушка вложила пальцы в ладонь мужчины, навсегда отпечатывая его вид в своей памяти. - Это вы пообещали у меня его украсть.

- Обещания надо выполнять, - Александр улыбнулся глазами и закружил Аню в такт музыке.

Девушка смущалась и очень старалась не отдавить ему ноги.

После концерта они сбежали в одну из пустующих аудиторий.

- А у меня для тебя подарок есть, - Аня вытащила из сумки красивый пакетик и вручила Александру.

- Лучший мой подарочек, это ты! - процитировал мужчина.

- Плясать больше не буду! - открестилась девушка и к удивлению единственного зрителя сняла туфли.

В пакете были тёмно-серые перчатки и большой новогодний шар. Его даже шариком назвать нельзя было. Ёлочная игрушка переливалась блёстками, закрученными в интересный узор.

- Также сама рисовала? - догадался Александр.

- Угу.

- Спасибо, - мужчина обнял Аню одной рукой, продолжая рассматривать шар. А потом спохватился. - У меня для тебя тоже есть подарок.

Из внутреннего кармана пиджака был извлечён небольшой свёрток, а из свёртка Аня уже сама извлекла шоколадку и... книгу для рисования. Не скетчбук это и не альбом, не бывают они такими красивыми! Обложка была объёмной. На ней из-под шапки снега выглядывал круглоглазый совёнок. А странички внутри были разноцветные! С цитатами и даже картинками разными.

- Ух ты! Спасибо, спасибо, спасибо! - Аня по-детски счастливо блестела глазами. Ей в силу возраста такие штуки уже не дарили, а хотелось! Девушка запрокинула голову. - Я опять не дотягиваюсь...

- А ты обуйся, - мужчина усмехнулся и обнял её покрепче.

- А я и так не дотянусь, - меланхолично ответила Аня. Подтянула стул, встала на него, чувствуя себя невероятно отважной. - Вот теперь вполне даже.

Наклонилась с очень сосредоточенным видом и поцеловала. Всё ещё маленькая и взрослая. И ничего страшного, что Новый год они отмечать будут в Туле и Костроме. Главное, последующие за этим праздником дни встретить вместе.

А снег идет, а снег идет,

И все вокруг чего-то ждет,

Под этот снег, под тихий снег,

Хочу сказать при всех:

Мой самый главный человек,

Взгляни со мной на этот снег!

Он чист как то, о чем молчу

О чем сказать хочу...

Кто мне любовь мою принес?

Наверно, добрый Дед Мороз!

Когда в окно с тобой смотрю,

Я снег благодарю!

А снег идет, а снег идет,

И все мерцает и плывет,

За то, что ты в моей судьбе

Спасибо, снег, тебе!

===== 12. Способы защиты женщины в двадцать первом веке или зря никто не верил в чудеса. =====

- Самошина!

- Не знаю такую! - тут же отозвалась Аня, увлечённо царапая ручкой бумагу в своём блокноте.

- Ну Ааань, - обиженно протянул однокурсник и облокотился на стол девушки, частично загораживая свет. - У меня, между прочим, к тебе серьёзный, глубокомысленный вопрос!

- Валяй, глубокомысленный ты мой, - пробурчала Аня, даже не подняв голову.

- Вот скажи, Аня, - громко начал парень, и девушка левой подколенной впадинкой почувствовала неладное, - ты веришь в магию?

- Ребята, надо верить в чудеса... - пропела Аня. Потом посерьёзела и подняла глаза на собеседника. - Давай так. Я её не отрицаю.

- Да ладно? - нездорово обрадовался Гена и взъерошил свои тёмно-русые волосы.

- А почему нет? - Аня флегматично дёрнула плечом и продолжила рисовать. - Ты мне свет загораживаешь.

- Чё, и в единорогов веришь? - встrepенулась Настя Синицына где-то сзади.

- Их я тоже не отрицаю, - возвысила голос Аня. Теперь к их разговору прислушивались, и чтобы не быть съеденной этими стервятниками, следовало говорить громко и уверенно.

- Самошина, а может, ты сама фея? - гоготнул Генка.

- Волшебницы клуба винкс! - затагнули откуда-то со стороны Синицыной. Студенты начали подключаться к дискуссии, шумели и посмеивались.

Кажется, на секунду Аня прочувствовала, каково приходится центру вселенной, когда весь хаос из планет, рождающихся и умирающих сверхновых, мириады туманностей из космической пыли, вертится вокруг этого центра. Отвратительно. Вроде, кашу эту не ты заварил, и участия особого не принимаешь, а выбраться никак. В уголках глаз начали очень медленно закипать непрошенные и никому не нужные слёзы. Честность, честность, где была эта честность, когда Аня говорила родителям, что сделала все домашние задания? Зачем быть честной с теми, кто всё равно не оценит, не поймёт, только поглумится? И почему так сложно не солгать в мелочах действительно важным людям... Хотелось спрятаться. Стать маленькой-маленькой, забиться под пыльную батарею и выйти через пару десятков лет, когда никто уже не вспомнит, что училась в этом заведении некая Аня...

- По какому поводу оживление? - раздалось строго-насмешливое от двери. Аня испытала немислимое облегчение. А потом...

- Да вот, Александр Григорич, Самошина в магию верит и в единорогов. Мы решаем, фея она, ведьма или оборотень! - ничтоже сумняшеся пояснил Гена.

- Я не верю, я не отрицаю! - нервозно выкрикнула обсуждаемая и скукожилась за партой. Это

фиаско, полное и беспросветное. Аудитория подзатихла, ожидая реакции препода.

- Разные вещи, - кивнул Граф, обводя глазами вверенное ему помещение. Глянул на хмурую, напряжённую Аню, ожесточённо штрихующую что-то в блокноте. Девочку надо было срочно спасать. Она же себя сейчас до истерики накрутит и замолчит, хорошо, если не навсегда. Ироды столичные, до чего ребёнка довели... - А вы, Говоров, в магию не верите?

- Нет, конечно! - Генка и остальные первокурсники, все, кроме Ани и Миши с Юлей, посмеялись над вопросом, как над хорошей шуткой.

- Вот как, - Александр позволил себе скупой улыбнуться, проходя к столу. - А как же тогда по-вашему работает так называемое шестое чувство? Некая сверхъестественная способность, никак не объясняемая наукой. Описание сходно с описанием магии, вам не кажется? А как же знаменитая Ванга? Странные магнетические возмущения в определённое время в определённом месте, календарь Майя... - мужчина говорил, вспоминая всё, что слышал, не давая никому возможности вставить ни единого междометия, он проходил по аудитории и все студенты постепенно затихали, слушая преподавателя. А Аня следила за его перемещениями совершенно непередаваемым взглядом, в котором смешались благодарность, восхищение, гордость и ещё много всего. А как она хотела? Мужчина должен защищать свою женщину не только от хулиганов в подворотне. - А как же, наконец, любовь? Ни учёные, ни психологи так и не смогли прийти к единому мнению на этот счёт. Как она появляется, от чего умирает? Химия, помутнение рассудка? Возможно. Но никто в ближайшие лет тридцать не сможет со стопроцентной уверенностью констатировать, что любовь - это не магия. Это невозможно опровергнуть. Как невозможно утверждать что-либо насчёт магии или отрицать. But we are wasting our time. Today we will work on...

Конечно же, лекцию почти никто не слушал. Все думали над тем, что сказал сегодня Александр Григорьевич. Аня незаметно смахнула слезинку с ресниц. Вот ведь плакса. Но как красиво Саша говорил, как красиво! Тут и плакать не стыдно...

А зря никто не верил в чудеса.

И вот однажды, летним утром рано

Над злой каперной алые взметнулись паруса,

И скрипка разнеслась над океаном, над океаном.

Не три глаза - ведь это же не сон,

Ведь алый парус вправду гордо реет

Над бухтой, где отважный Грей нашел свою Ассоль,

Над бухтой, где Ассоль дождалась Грея.

А в бухте корабли из разных стран

Тянули к небу мачты, словно руки.

И в кубрике на каждом одинокий капитан

Курил, вздыхал и думал о подруге.

С любимой легче волны бороздить

И соль морскую легче есть на пару.

Ведь без любви на свете невозможно было б жить,

И стал бы серым даже алый парус.

===== 13. Собственный выбор или пойдём на ката смотреть. =====

Александр устало потёр лицо ладонью. Четверг получился каким-то невероятно долгим и нудным. Не стоило сразу трём курсам давать письменные задания, которые к пятнице непременно нужно было проверить. Раздражение, усталость и апатия методично бились о стенки черепной коробки, и казалось, что скоро они начнут выступать на коже вместо сала и пота. Яд такой новый. Аня по своему обыкновению крутилась на стуле рядом и ужасно медленно просматривала кляузы сокурсников, всё время отвлекаясь на телефон.

- Саш, смотри, - девушка захихикала и протянула Александру этот самый телефон с какой-то невероятно забавной по её мнению картинкой.

На Александра напало бешенство. Ну в нос бы ещё своей дорогой игрушкой ткнула, маленькое ленивое чудовище! Сколько можно отвлекаться?! Он работать пытается, деньги зарабатывать! У него богатых родителей нет, никто айфон не купит и квартиру в Москве не снимет! Александр устроился сам, сам работает и живёт. Не для того, чтобы ему в лицо всякой ерундой тыкали!

- Аня, можно ты мне это потом покажешь? - сдержанно попросил мужчина. Его рука непроизвольно нашарила ручку, пальцы начали снимать и снова одевать колпачок.

- Ну смотри, там же...

- Мне это сейчас неинтересно! - резко отбрил Александр и, бросив на девушку колючий взгляд, склонился над исписанными бумагами. Немалую часть, очевидно, придётся брать домой, и это было весьма прискорбно.

- Извини, - тихо проговорила Аня и спрятала телефон в карман. Она посмотрела на Графа растерянно и беспомощно, и всё остальное время старалась сидеть тихо, а проверять быстро.

Когда в дверь аудитории вежливо постучал университетский охранник, Александр спохватился и начал складывать проверенные работы в стол, распределив разные курсы по разным ящикам, а непроверенные всей кипой в свой рабочий портфель. Он был убеждён, что с рюкзаком, аки школьник, на работу ходить не солидно. Аня торопливо закинула свои ручки, блокноты и термос в сумку. Девушка старалась не копать, но, как назло, шарф запутался, перчатки падали из рук, сумка зацепилась за ножку стула... Охранник и преподаватель ждали её в коридоре, и как только девушка вышла, закрыли двери. Охранник вежливо попрощался и продолжил обход, а Александр с Аней пошли вниз, на выход. По лестнице спускались молча. Аня страдала от возрастающего гнева мужчины, а Александр напряжённо подсчитывал количество непроверенных работ и мрачно думал о том, что надо забежать в магазин за молоком и сосисками. Перебьётся сегодня ими. Только на выходе Аня позволила себе звонкое "пока", через силу улыбнулась и помахала рукой. Александр что-то рассеянно ответил и пошёл к станции метро.

Аня, подавленная, плелась домой, грустно хрустя снегом. Что не так? Он, наверно, просто

очень устал. Или она ему надоела? Пишет всё время, приходит, вертится вокруг... И вообще, серьезнее надо быть, Саша ведь не один из её ровесников, у которых в голове ветер, а в зад... ней точке опоры шило метровое. Но как быть серьезной, если совсем не хочется? Серьезность хороша в мыслях и стрессовых ситуациях. В серьезности люди увязают, как в болоте, окунаются с головой в апатию, равнодушие, серость... И равнодушие ни разу не лучше таких вот волнений по пустякам, совсем не лучше. Да и в чём смысл подобных издевательств над собой? Она готова меняться для Александра и самой себя: похудеть, выучить английский, научиться играть на гитаре, стать добрее и терпимее... но не скучнее. Чего стоит чувство, ради которого нужно выцвести изнутри?

А вообще, всё это ерунда. Аня тоже бывает резкой, ей все говорили. Друзья, родители, учителя в школе. Тогда почему так обидно? Первая размолвка, это должно было когда-нибудь произойти и это не повод выходить из окна небоскрёба. И мама с папой, бывало, ругались, и ничего. Просто мама научилась не отвечать на папину несдержанность, а он с умилением прощал ей такие маленькие слабости, как редкие приступы шопоголизма.

Аня понимала всё это, отчётливо осознавала и не могла прекратить думать. Всего лишь взгляд, один взгляд, толика раздражения, а она уже в истерике! Ну не годится куда! Почувствовав в уголках глаз слёзы, Аня сердито фыркнула, придя домой, накапала себе валерьянки на кубик сахара. Подумала и схрумкала ещё один для профилактики. И решила ничего сегодня не учить! Часы показывали половину восьмого. Вот проторчала в универе всё свободное время и получила!.. Аня снова сердито фыркнула и направилась в ванную к зеркалу над раковиной. Уставилась укоризненно себе в глаза.

□ Анечка, прекрати, - выговаривала она себе. - Это был твой выбор, тебя никто силой не держал. И страдать сейчас из-за херни тебя тоже никто не заставлял. Такая ты самостоятельная! - девушка усмехнулась, подмигнула отражению и вернулась на кухню, чувствуя, что в зеркале больше не нуждается. Иногда нужно просто выговориться пустому пространству, и станет легче.

Она уселась на стуле у окна, укутавшись в старую кофту, которую в квартире забыл папа, поставила на подоконник кружку с чаем, открыла рот... и не смогла сказать ничего. Аня премирно беседовала со стенами после каждой ссоры с родителями или друзьями, веселилась из-за восхитительной околесицы, которую сама же и говорила. Негатив уходил. Это была не столько причуда, сколько вынужденная мера: после подобных конфликтов серьезно барахлило сердце. Во всё остальное время впечатлительная сердечная мышца работала, как маленький моторчик, и никаких сложностей не создавала. Сейчас у Ани были все шансы вспомнить давно забытые ощущения, когда бросает то в жар, то в холод, лицо становится белее мела, а дышать совершенно невозможно, и остаётся только открывать и закрывать рот в попытках втянуть воздух в лёгкие. Воскрешать в памяти данный опыт не хотелось, но слова, которые могли бы облегчить Анины душевные метания, застревали в горле. Такого никогда не было раньше. Раньше слова лились сами, гневные, печальные, остроумные или нелепые, а теперь они словно боялись. Как будто Саша может подслушать их и не простить. Аня верила в силу слов, не только произнесённых в слух, но даже подуманных, и отношения с Александром представлялись слишком хрупкими, чтобы выдержать то, что девушка хотела бы сказать. Глупо. Аня взрыкнула от злого бессилия, сходила за пенами и блокнотом с толстой бумагой. Она будет пачкать пальцы фломастерами и громко петь песни!

Александр положительно не выспался. Не доспал полтора часика от общепринятых восьми, а вообще под утро лёг спать. Аня ни вечером, ни с утра ничего не писала, не звонила и не отвлекала. Это радовало. Поначалу. К третьей паре затишье в сети начало настораживать. А

то, что Аня, постучавшись после занятий, не плюхнулась привычно на стул, а очень медленно подошла к столу с другой стороны, как-то странно-тихо улыбаясь, реально обеспокоило. Не то, чтобы Александр выучил поведение девушки досконально в любой ситуации, но эта непонятная улыбка, пальцы, мнущие край кофточки, чуть напряжённый взгляд... После весёлой и жизнерадостной Ани, перемена в этом создании сразу бросилась в глаза. Она как красный мак: цветы растут и распускаются одинаково, но если на окне неделю стоял один цветок, а когда завял, и на подоконник поставили другой, разница будет заметна сразу. Да, оба цветка – красные маки. Но у того, увядшего, стебелёк изгибался сильнее, и листик был один, а не два. Лепесточки заминались совсем по-другому, а у семенной коробочки был другой оттенок. Отличия эти будут настоящими или выдуманными, но новый цветок никак нельзя принять за старый, потому что всю прошедшую неделю взгляд цеплялся за тот старый мак, мельком, неосознанно, и его образ уже отложился в голове, а новый... к новому глазам придётся снова привыкать.

Поэтому первым вопросом Александра было:

- Что случилось?

- Ничего не случилось, - Аня улыbnулась чуть ярче и непонимающе посмотрела на мужчину. - А что должно было случиться?

- Не знаю. Но что-то всё же случилось, - спокойно повторил Александр, разворачиваясь к девушке всем корпусом.

Этакий дворянин, сошедший со страниц книг Дюма-старшего, только шпаги на поясе не хватает. Честный и благородный. Не иначе, гасконец. Ане совсем не хотелось этого аристократа по духу менять на вчерашнего мистера нетерпимость, и она с ещё большим энтузиазмом начала отнекиваться.

- Да ничего не случилось. Вот я только руки вчера испачкала и чай сегодня чуть не пролила, - Аня улыbnулась уже почти как обычно и подставила под свет ламп свои ладони. Действительно все цветные, но это Александра не успокоило.

- Может быть, ты присядешь? - как-то неловко было разговаривать со стоящей девушкой, сидя на стуле. Аня быстренько обошла стол и устроилась на своём стуле, который Александр по привычке перенёс.

- Может, тебе сегодня не засиживаться здесь, а отдохнуть? Не спал наверное совсем, бедный...
- предложила девушка и с сочувствием погладила руку мужчины, лежащую на столе.

Александру должно было стать тепло, но вместо этого мысль зацепилась за мысль. Не пишет, не обнимает, садиться не хотела, смотрит непонятно...

- Тебе надоело уже со мной тут сидеть, - заключил он и попытался говорить мягко. Он отлично понимал девушку, кто захочет в восемнадцать чахнуть над кучей бумажек. Он в свои восемнадцать чего только не делал. - А пойдём на каток!

Аня наградила мужчину скептическим взглядом.

- Ну какой тебе каток, ну ты же уснёшь, даже коньки зашнуровать не успеешь. А если не уснёшь, мою душу скушает совесть!

- Аня, я гораздо выносливее, чем тебе кажется, - со смешком заверил Александр. - И ты в этом

уже могла убедиться. Скажи мне пожалуйста, почему ты не хочешь со мной идти.

- Потому что я хочу, чтобы ты отдохнул, - девушка снова обошла стол и по своей традиции обняла Александра со спины. - А если бы ты решил в универе посидеть, я бы с тобой осталась и ныла над ухом, что тебе надо домой, тебя там ждут подушка, одеяло, чайник...

- Кот, - добавил мужчина, поднял руку и провёл пальцами по волосам, падающим ему на плечо. Как кошку погладил.

- Кот? - удивлённо выдохнула Аня, согрела его шею и потёршись носом о ворот рубашки. - Ты не рассказывал. Вот видишь, там кот скучает, а хозяин на работе до ночи...

- Мы ушли от темы, - перебил Александр. Ручка в его правой руке щёлкнула.

- Ну только не злись пожалуйста, - полушёпотом проныла девушка, совершенно выбив мужчину из привычной колеи.

- Ань, ты что... Боишься? - спросил он, поднимая брови в удивлении.

- Тебя нет, а злости твоей да, - девушка спрятала лицо под волосами. Получилось некое русалко-чучело.

- Я ни разу не сделал тебе ничего плохого. Почему ты боишься? - Александра это оскорбляло и разочаровывало. Думал, нормальная девушка. И ведь хорошо всё было! И вот оно, вылезло...

- Ты замечательный, Саш, ты самый лучший, - горячо заговорила Аня, - но вся беда в том, что мне пока без разницы, на кого ты злишься. Я же тебе рассказывала, я не могу это контролировать, меня сильно задевают отрицательные эмоции, неважно, мои или чужие...

- Не понимаю, - мужчина нахмурился и снова погладил чуть лохматую макушку на своём плече. - Ты вчера меня испугалась?

- Не тебя... - это он уже слышал.

- Ты из-за этого так дёргаешься? - снова перебил Александр. Аня виновато вздохнула.

Мужчина тоже вздохнул, встал и обнял это маленькое невиданное создание. Аня прижалась к нему всем телом и крепко обняла в ответ.

- Извини. Я так больше не буду, - донеслось до Александра через пару минут такого вот обнимания. Он хмыкнул. Обещать-то конечно что угодно можно.

- Ань, пойдём на каток.

- Не пойдём, тебе надо отдыхать, - упрямо ответили снизу.

- Я не болен и не умираю, - напомнил Александр.

- Ну вот этого только не хватало, - вяло возмутилась Аня.

- Тогда пойдём кота посмотреть, - предложил мужчина и поспешил добавить скорее для себя, чем для неё, - часам к восьми вызову тебе такси.

- Пойдём.

Он не будет извиняться за свой гнев, он даже не подумал о такой возможности, потому что с подобной постановкой вопроса столкнулся впервые. Аня не хотела заострять внимание, потому что в первую очередь виноватой считала себя. Но сейчас ведь всё хорошо, снег красиво блестит, они идут смотреть на кота, и маленькое недоразумение можно... забыть?

===== 14. О маленьких катастрофах или нас учили быть птицами. =====

Сегодня снег под ногами не хрустел, а влажно чавкал, и машины норовили облить зазевавшегося прохожего смесью из мокрой снежной грязи и песка. В вагоне метро по счастливому стечению обстоятельств были свободные места. Александр уснул, кажется, едва присев. Он несомненно был выносливее, и его тело, может, хотело бы покататься на коньках. Но уставшие глаза не оставляли никаких шансов. У него ведь ещё на компьютере какие-то рефераты были... Аня читала с телефона новое произведение любимого автора и чуть морщила лоб. Конфликт был улажен, но не выходил из головы. В этом была вся Аня: она легко прощала порой чудовищные вещи и долго не могла забыть маленькие происшествия. Взгляд Александра, эта дурацкая секунда не отпускала девушку. Она прокручивала в голове вчерашний вечер, их разговор и настроение. Снова и снова. Было стыдно за свою детскую невежливую выходку с телефоном... но она ведь всегда так делала! Она просто хотела поднять настроение. Александр казался таким уставшим, а что с этим могла сделать Аня? Забрать его усталость себе? Она не медиум, она не умеет. Можно было подойти обнять, но дверь была незакрыта, а на конспирации девушка настояла сама. Дело даже не в этом, просто во взгляде Александра привычная покровительственная снисходительность превратилась во что-то нехорошее. Не считает её маленькой, как же. В тот момент, похоже, за человека не считал... Аня дёрнула себя за ухо. Делать из мухи слона - невероятно бесполезный талант, если только вы не СМИ. Хватит, а то и правда увязнуть недолго.

Александра к сожалению пришлось будить уже через две станции. Мужчина зевнул в кулак, скупно улыбнулся и встал, крепко взяв Аню за руку. Её настроение резко скакнуло до небес. Даже папа с двенадцати лет всё время пытался Аню в метро потерять. Он быстро шёл вперёд, будучи уверенным, что спутники шагают за ним буквально след в след. Спыхватывался он, надо сказать, довольно быстро и оперативно выслеживал своё чадо по яркой - преимущественно белой - шапке непременно с «помпоном». Александр сжимал девичью руку и шёл такими же стремительными шагами, но несмотря на тепло маленьких пальцев, время от времени смотрел назад, как будто Аня могла вот прямо сейчас убежать куда-нибудь без своей хватательной конечности.

Они прошли ещё некоторое время по улице и подошли к высокому зданию невнятного серого цвета. Аня с любопытством осматривалась вокруг. В этом районе она не бывала. Так получилось, что Александр ходил к ней в гости, а она к нему ещё ни разу. Это было логично, ведь Анино место жительства находилось гораздо ближе к университету. И вот, сегодня и сейчас девушка к Александру домой всё-таки попадёт. Ну, не в Кострому конечно... но если кот ждёт, значит дом? Александр по своему обыкновению галантно открыл перед Аней дверь, девушка как всегда ответила восхищённым спасибо. Да, действие привычное, но мило же! Почему бы не поблагодарить за ещё один момент радости? Место обитания мужчины находилось на четырнадцатом этаже.

- Моя любовь на четырнадцатом этаже, - пропела Аня и захихикала. Определённо, попытку стать чуточку серьёзнее ждало сокрушительное фиаско.

- Моя любовь наверно спит уже, спокойного сна, - припомнил Александр. Аня продолжила

хихикать, мужчина улыбнулся.

На четырнадцатом этаже Аню подвели к тяжёлой на вид чёрной двери. Пока Александр звенел ключом и щёлкал замком, девушку переполняло предвкушение. Было так интересно! Мужчина поманил Аню в тёмный коридор, и едва переступив порог, она наклонилась, чтобы разуться...

Из полки с обувью выплыли два жёлтых фонаря, и по квартире разнеслось воющее «Мё-оо-оуув!»

- О Господи Иисусе! - Аня шарахнулась к двери и схватилась за сердце. Александр, наконец, нашарил выключатель, зажёл свет и строго скомандовал:

- Вий, брысь! - кот, не помня за хозяином такого голоса, вытаращил глаза и умёлся. Аня, тяжело дыша, съехала по двери на пол и начала тихо посмеиваться.

- Кто-кто? - еле выговорила она.

- Вий, - Александр пожал плечами, словно пояснил только что очевидный факт. Аня засмеялась громче.

- Как вы лодку назовёте, так она и поплывёт, - процитировала девушка и попыталась встать.

Александр протянул ей руку, потом забрал пуховик и шапку. Аня аккуратно поставила сапоги к стене. Из-за угла высунулась треугольная морда Вия. Девушка, снова захихикав, опустилась на корточки, сложила пальцы в горсть и прошептала сакральное:

- Кс-кс-кс.

И продолжала шептать, пока кот дёрнул ухом, повёл носом с длиннющими белыми усами и испуганно косясь на хозяина, сделал робкий шаг вперёд, но фыркнул и убежал, внезапно передумав. Александр, наблюдавший за всем этим от шкафа, позволил себе весёлую улыбку.

- Не расстраивайся, он вернётся.

Аня вздохнула и проследовала за мужчиной на кухню. Кухня, как и вся квартира, была не очень большой, но и не крошечной, отделанной в зелёно-голубых тонах и отделанной, вероятнее всего, женщиной. Александр говорил, что квартиру снимает и покупать не хочет, потому что дорого. Они расположились за круглым серым столом друг напротив друга, третий стул, подумав, занял Вий.

- Ты что будешь, чай или кофе? - спросил мужчина, когда еда была заказана в одной из известных ему кафешек.

- Чай, - ответила Аня, глаза на кота. Какое же забавное создание! Про кого из этих двоих Александр подумал, сказать было сложно.

- А я кофе, - пробормотал он сам себе и отошёл к плите.

- Ты тоже будешь чай! - уверенно заявила девушка, обжигая спину Александра гневным взглядом.

- Но я хочу кофе, - несколько удивлённо проговорил мужчина, перекрывая голосом журчание воды, льющейся из кулера в чайник.

- А твой организм не хочет, - авторитетно заявила Аня. Вий любопытно шевелил ушами и усами, глядя на двуногих. - Или у тебя чай невкусный?

- Вкусный, - не согласился Александр, чувствуя себя дезориентированным окончательно и бесповоротно.

- Вот и попей со мной вкусный чай, - уже мягче сказала Аня и вернулась к созерцанию кота. Александр хмыкнул. - А почему Вий?

- Мы со знакомыми его на улице нашли. Когда мы его уносили, он так же выл, - ответил мужчина, снова усевшись на стул и наблюдая за двумя милыми существами на своей кухне.

- А почему ты его к себе забрал? - поинтересовалась Аня. Она как раз протянула руку, чтобы погладить объект обсуждения. Вий перестал шевелить усами, весь замер, а потом спрыгнул со стула. Аня печально вздохнула перевела взгляд на Александра. Подпёрла щеку рукой.

- Да там такая история была, - Александр, смешавшись, улыбнулся и откинулся на стуле, размышляя, на каком по счёту свидании вообще можно подобную информацию выдавать. В этот момент как раз вскипел чайник, и мужчина поднялся, чтобы наполнить заварник. - Я учился на последнем курсе. Мы праздновали чей-то день рождения и нашли его на улице. Я жил в комнате один, решили, что проживёт со мной в общежитии, пока не найдём хозяина. Я был... не слишком трезв и сказал, что легко спрячу котёнка от вахтёрш. А обещания надо выполнять, - мужчина стоял к Ане спиной, и она могла видеть только движение локтей и пожимание плеч. С самого начала истории она хихикала, представляя все события в лицах под вой Вия.

- Это ты молодец, - заметила девушка, давась смехом и принимая кружку, исходящую ароматным дымком.

Александр снова опустился на стул со своей кружкой. Кот решил проявить великодушие и запрыгнул к нему на колени. Александр машинально погладил тощий чёрный бок с белыми пятнами.

- Его полное имя Вий Львович Орлов, - зачем-то сообщил он. Аня подавилась чаем. А чай вкусный был, фруктовый, и конфетки ничего так.

□ Кха! А Львович почему? - спросила девушка. Александр смутился еще больше.

□ Мы тогда с филологами пи... праздновали, - пояснил мужчина, - и он уснул под бюстом Льва Толстого...

Аня уронила голову на стол и захохотала. Вий вздрогнул и поднял морду на хозяина, как бы спрашивая: "А я от неё не заражусь?". Александр в ответ выгнул брови, мол, кто знает, кто знает. Девушка смеялась минуты две. Постепенно успокоившись, она сложила подбородок на скрещённые руки и серьёзно посмотрела на Александра. Его взгляд был полон весёлого умиления и снисходительности. Опять.

□ Саш, я сейчас глупый вопрос задам, - начала она, и мужчине сразу стало нехорошо. - Почему я? Ты состоявшийся молодой человек, умный, обаятельный. А я зелёная, жизни не видела, и не жила ещё сама, арлекином на полставки в универе подрабатываю, мелкая, несуразная. И несур тоже разное, - Аня усмехнулась своей шутке. - А в том же универе девушек полно, я видела, как они на тебя смотрят. Красивые, высокие, даже неглупые... ну мы же не в фильме, в конце

концов! - закончила она почти жалобно.

Александр смотрел на Аню и думал, что теперь сказать. “Зелёная”, “жизни не видела”... это ведь именно то, что пришло ему в голову вчера в приступе раздражения. Значит, в глубине души он действительно относился к ней, как к ребёнку, забывая, что не всегда она ведёт себя по-детски. И что теперь, извиниться? За мысли? Что произнести, глядя в серьёзные всепонимающие глаза, чтобы они не наполнились слезами?

□ Иди сюда, - позвал Александр, протягивая к девушке руку.

Аня послушно встала и подошла к нему. Они уселись этаким бутербродом: Александр, Аня и придремавший Вий у неё на коленях. Аня гладила кота, а мужчина обнимал её за талию и всё ещё думал.

□ Ань, - Александр погладил длинные каштановые волосы, - вот ты причёску не носишь почему?

□ Потому что ношу шапку, - смутившись, буркнула девушка.

□ А короткие юбки? - мужчина положил руку на коленку, обтянутую джинсой.

□ Холодно же, - совершенно растерялась Аня.

□ А почему ты не красишься? - девушка обернулась, распахнув глаза и ставя брови домиком.

□ Чтобы быть настоящей, - заученно повторила она. Но не удержалась и съехала на шутливый тон, - А ещё потому что не умею, лень, и одежда пачкается.

□ И целоваться неудобно, - со знанием дела подтвердил Александр. - Ты простая и настоящая.

□ Да где же я простая? - Аня мотнула головой. - Со мной даже родителям было сложно.

□ Всем родителям сложно, - не согласился мужчина. - Не у всех вырастают такие дочери. Аня, пойми, - он положил руку девушке затылок, побуждая развернуться, и приблизил своё лицо к её, - В Москве сейчас развелось очень много высоких и красивых, как ты сказала. Они видят жизнь гораздо меньше, чем ты. Ты хочешь видеть, а они не хотят. А ещё я понял, что это очень сложно, всегда радоваться.

□ Просто мне не радоваться сложнее, - проямлила Аня.

□ Вот видишь. Все ждут, что ты выкинешь на уроке, никому не хватает духу повторить.

□ Или ума...

□ И его тоже. Мы всё выяснили? - Александр коротко поцеловал Аню в губы и придумал, как её успокоить. - Лучше спой, *desastre solar Pequeño* *.

Аня улыбнулась, и её улыбкой можно было бы, наверное, зажечь какую-нибудь новую звезду. Но звёздам она не досталась...

Помнишь, нас учили быть птицами?

Ах, не отворачивай голову,

Птицами с волшебными лицами,
Чистыми, высокими, гордыми,
Птицами, летящими за море,
Чтобы обернуться и заново
В клювиках созвездия спицами,
Помнишь, нас учили быть птицами?
Птицами,
Нас учили быть птицами,
Птицами!
Помнишь, нас учили жить с песнями?
Как нам не сиделось за партами
Мы бежали в рай наш, туда, где под лестницей
Маялась гитара инфарктами
И не поняли и не открыли мы
Трогая ресницы ресницами
Что уже тогда были с крыльями
Помнишь, нас учили быть птицами?
Птицами,
Нас учили быть птицами!
Птицами,
Нас учили быть птицами!
Помнишь, нас учили быть птицами?
Чистыми, высокими, гордыми,
Птицами с волшебными лицами,
Помнишь, нас учили быть птицами?
Птицами,
Нас учили быть птицами!
Птицами,

Нас учили быть птицами!

Новинки и продолжение на сайте библиотеки <https://www.litmir.me>

===== 15. О принципах или на чём стоит настоящее. =====

□ As we can see, the author was really strict in his beliefs, (как мы можем видеть, автор был весьма твёрд в своих убеждениях), - рассуждал Александр, расхаживая перед кафедрой.

□ Я государь, я должен быть на страже морали и семьи, вот принципы мои, - напела Аня, прилежно конспектируя слова замечательного лектора.

- Это откуда? - живо заинтересовался Граф.

□ Из “Трёх мушкетёров”, - чуть смущённо ответила Аня.

Александр выгнул бровь и чуть наклонил голову, выражая этим аристократичным до мурашек видом “Вот как, мил-сударыня? Я такого не припомню”. Кто-то из девушек недовольно вздохнул. Как бы ни хотела Аня скрыть их с Александром Григорьевичем отношения, там, где пытливым умам не достаёт фактов, всегда найдётся место домыслам. По тому, как неохотно Аня покидает аудиторию английского, как скользит по её углу взгляд преподавателя, пока она собирается, по Анинуму необъяснимому желанию накормить-расспросить-развеселить мужчину, однокурсники начали догадываться, что что-то с этими двумя не так. Отношения малознакомых, но часто встречаемых людей всегда волновали умы людей и одаривались ярлыками общества. Равнодушных к отношениям преподавателя и студентки на курсе было не слишком много. Большая часть парней искренне недоумевала, как “нормальный мужик” мог польститься на это короткое, выносящее мозг несчастье. Девушки считали себя глубоко уязвлёнными тем, что такой интересный и обаятельный молодой человек счёл деревенщину-Самошину лучше них, настоящих московских красавиц. Им же принадлежали тихие и злые, не раз осмеянные предположения, что Анна сблизилась с Александром дабы получить высокий балл. Не настолько она была несведуща. Да и Александр в таком случае выбрал бы кого... подлиннее. Кто-то завидовал самому факту наличия чувств и отношений у других людей, а кто-то не сильно замороченный, как Юля и Михаил, просто радовался счастью ближнего.

□ И что все так прицепились к этим принципам? - подала голос одна из “уязвлённых” чтобы хоть как-нибудь высказаться против Самошиной.

□

□ Взгляд Александра сфокусировался на говорившей и в одно мгновение стал не просто сосредоточенным, но тяжёлым и вместе с тем невероятно ясным. Глаза мужчины блестели, как могла бы блестеть сталь начищенного клинка. Руководящий этим клинком не напал, но давал понять, что не сдастся до последнего вдоха.

□ Бывают такие дни, когда принципы - единственное, что спасает от помешательства, - негромко ответил Александр.

Его голос был ниже и значительно тише чем во время чтения лекции, и прозвучавшая в нём уверенность заставила всех болтунов замолчать, спящих проснуться, а воинственно настроенную особу растерять все слова. Мужчина опустил взгляд в пол и посмотрел на притихших студюзов нарочито беспечно и весело. - I am sorry for this pause. Who can tell me now... (прошу прощения за заминку. Кто сейчас сможет рассказать мне...

Всё остальное Аня помнила смутно. Она механически строчила в тетрадке, почти не сокращая слова, потому что для этого нужна сосредоточенность, и пропустила добрую треть лекции, закрашивая клеточки на полях. Кто смотрел через Александра тогда? Светлый образ добрых наставников, призрак печального прошлого? Саша так напомнил ей отца в редкие и неожиданные моменты, когда тот серьёзней после неосторожной Аниной шутки. Сердце ёкнуло. Взгляд папы так же светлел и фокусировался. Аня предполагала, что страницы жизни Александра были самыми разнообразными. Он слишком сильно сжимал в руках или щёлкал ручкой, когда нервничал. Словно интуитивно искал вещь, которую можно использовать в качестве обороны. Он был сдержан и не терял лица на людях и, кажется, остался бы невозмутим даже во время Апокалипсиса, если бы знал, что инопланетяне организовали видеотрансляцию. Он был слишком внимательным для человека, с которым никогда не случилось ничего плохого. И об этом плохом Аня очень хотела узнать. Настоящее уходит своими корнями и самой сутью в прошлое. Настоящее множества людей закручивается уходя сумасшедшим клубком в будущее и цепляя там новые нити. Чтобы быть с человеком вместе, нужно не только связать накрепко нити будущего в “сегодня”, но и сделать так, чтобы призрачное “вчера” не разбежалось тысячей ответвлений, пряча под собой пропасть “ничто”, в которую могут случайно рухнуть все отношения. Аня думала об этом весь оставшийся день, лезла к Александру с обнимашками в два раза больше, но заговорить решилась только когда они вдвоём оказались у неё в квартире.

Они сидели на маленькой кухоньке и пили чай. Ане было ужасно неловко красть Александра у остального мира, да ещё и не использовать в личных целях (ибо стыдно и боязно), но мужчина все попытки завернуть его домой смял одним укоризненным взглядом и категоричным “Я так хочу”.

□ Саш... - начала Аня и замаялась. - Мы сегодня о принципах заговорили... что это было за время?

□ Когда у меня остались только принципы? - проницательно спросил Александр и отхлебнул чай. Было видно, что разговор не слишком ему приятен.

□ Да. Оно ведь у тебя было, правильно? Извини, что я спрашиваю, - замаямила девушка и поступила, как и в любой стрёмной ситуации, - сказала правду. - Просто я хочу о тебе побольше узнать. Но если ты не хочешь рассказывать, то не надо!

□ Когда я служил в армии произошёл интересный случай, - начал Александр, не обращая внимания на Анин лепет, - У нашего прапорщика пропали часы. Часы по закону жанра были не простые и даже не золотые, а награда командования за какие-то заслуги перед отечеством. Наш прапор был патриотом и человеком старой закалки и очень дорожил такими вещами. Он или носил часы на левой руке или запирали в своём кабинете. Так получилось, что в день пропажи Егор Степаныч отправлял меня в свой кабинет, уже не помню, зачем. Мы друг к другу очень хорошо относились, и он мне доверял, - Александр прервался, чтобы похрустеть грецким орехом и запить чаем. - А вечером Егор Степаныч уже недосчитался своего имущества. Ключи не давали никому, кроме меня. Егор Степаныч, может, и рад был верить моему слову, но не мог. Меня на сутки определили в карцер. Ты же знаешь, что такое карцер? - мужчина глянул на Аню, и та кивнула, глядя на него огромными глазами.

Александр ронял короткие и безэмоциональные фразы, а Аня слушала, затаивая дыхание.

□ После этого случая в казарме стали пропадать вещи, - продолжил мужчина. - И не только вещи. Пропадали деньги, не досчитывались сух. пайков, формы. Мне давали наряды вне

очереди, отправляли в карцер, грозились земным и небесным судами. Пару раз тёмную устроили. Говорили: признайся, по закону осудим, зато жив останешься. Я не признавался. А потом со склада пропал десяток винтовок. Я тогда находился в лазарете под присмотром врачей и никак не мог быть причастен. Начальство задумалось. Со мной осталась дежурить новенькая медсестричка. После отбоя я пить захотел сильно, - Александр сделал большой глоток из своей кружки, словно пытался заглушить жажду, мучившую его десять лет назад. Всё время рассказа он изучал взглядом гудящий холодильник и на Аню не больше смотрел. - Слышу шум. Выползаю по стене из комнаты. Голова кружится, не вижу ни черта. За дверью медсестричка плакала, и ругался кто-то. Думаю: "совсем у кого-то крыша съехала". На столе стояла бутылка "Ессентуков", как сейчас помню, кому-то с гражданки приволокли. Сестричка симпатичная была, ей многие подарки несли. Взял я эту бутылку, воду оттуда выхлебал и пошёл к двери. В коридоре какой-то хмырь сестричку к стене прижал, она урыдалась вся, а вырваться не может, у того урода финка. Он на открытую дверь начал поворачиваться, и я ему со всего маху бутылкой по голове. Он упал. Я рядом по стеночке сполз. Сестричка убежала, - Аня сжала в руках кружку и стала слушать дальше, во все глаза глядя на Александра. - Урода повязали и прижали. Этот хмырь был наркоман со стажем, он за дозу мать родную продал бы. В карцере без дозы сломался и всё рассказал. Его взяли в оборот какие-то сектанты, сначала брали по мелочи, потом Карты местности выменяли, попросили оружие. Этот у... урод со сторожем химией поделился, сказал обезболивающее новое. И когда мужика накрывало, брал ключи, какие хотел... и финка тоже ворованная была. Вот так всё и вскрылось. А если бы я тогда "сознался", меня бы... словом, плохо было бы. А прапорщик мне те свои часы подарил.

Александр, наконец, посмотрел на Аню, и она с отчаянным выражением лица пересела к мужчине на колени, крепко обняла руками, уткнулась лицом в грудь, прижалась.

□ Ну что ты? - Александр с нажимом погладил девушку по спине, ощущая уют и непривычное умиротворение. Реакция Ани была ожидаемой, но всё равно выбила из колеи неизменной искренностью и яркостью.

Аня сопела и не отвечала. Она не плакала, но всем существом пребывала в абсолютном смятении. Она сейчас готова была костями лечь, грудью встать за своего бесценного Сашу. Ну как так?! Как Сашу в карцер?! Его нельзя бить! Он же самый честный, самый добрый, и девушку защитил! Но вот он здесь, живой, здоровый, улыбающийся Сашенька, с ровно стучащим сердцем.

□ Если бы ты родилась парнем, ты бы там ещё не такое из принципа устроила, - попытался пошутить Александр, когда Аня от него немножко отлипла. - Не так всё было страшно.

□ Не знаю, - задумчиво ответила девушка. - У меня тоже есть история. Не чета твоей, конечно, но тоже о принципах, - она снова прижалась щекой к широкой груди Александра. - Я в школе возмущалась, что ребята мусорят, заставляла поднимать брошенные фантики, поднимала сама. А один раз меня на улице старшекласник спросил: "Ты Аня из шестого?". И прямо передо мной швыряет в грязь какую-то бумажку.

Александр снова погладил девушку и ненадолго сжал челюсти. В нём проснулось давно забытое, примитивное и тривиальное желание набить морду. За ту маленькую испуганную девочку, Аню из шестого, которую он знал только по фотографиям, и которая наверняка того стоила.

□ Твари есть везде, Мі gozo*, - сказал мужчина. - Из-за них ни в коем случае нельзя грустить.

- Да, - согласилась Аня, не меняя позы. - Только бумажку я так и не подняла.

Александр конечно понял, что имела в виду девушка, но ничего не сказал. Люди порой сами не знают, на что способны.

Расставаться в тот вечер им обоим отчаянно не хотелось.

===== 16. О дне влюблённых или клин клином. =====

Несмотря на то, что День Святого Валентина был придуман гомосексуалистами в честь священнослужителя, боровшегося за права так называемых меньшинств, этот праздник ждут и традиционные пары. Ждут с трепетом – день влюблённых же – и нервной дрожью, ведь нужно выбирать подарки! Аня Дня Влюблённых не ждала, её приковал к постели подлый грипп. Она чихала, кашляла, затёрла нос до кровавых ранок и вот уже четыре дня сидела дома. Александра на выходных девушка к себе не пустила, потому что нечего бациллы ловить. Зато болезнь дала ей официальное разрешение на заваливание Саши неограниченным количеством сообщений, звонков, картинок и смайликов. Он в ответ присылал Ане скобочки и фотографии Вия. Греметь соплями на весь универ не хотелось, поэтому студентка-недоучка решила не покидать свою квартирку и в понедельник. Она валялась в разворошённой постели и сонно моргала на экран телефона. Стрелки часов показывали половину двенадцатого. Дёргать Александра после утреннего телефонного разговора было, всё же, как-то совестно. Ещё полчаса ленивого моргания, и телефон в руке начинает производить вибрацию.

Александр Орлов: «Ты как?»».

Анна Самошина: «Сопли везде. Это потоп. Наводнение. Цунами. Это всё происки инопланетян, они проникли в мой организм, размножились и пытаются поработить мир!».

Александр Орлов: «Просто грипп разбудил в тебе настоящего фюрера;)».

Анна Самошина: «Неправда! Я маленькая и несчастная! Это всё инопланетяне, я точно говорю!)))))».

Александр Орлов: «Эх ты, несчастье. Завтра приду проведать)».

Анна Самошина: «Мои бациллы будут очень рады новому телу».

Александр Орлов: «А ты не будешь рада?».

Анна Самошина: «Нет конечно. Ты же заболеешь!».

Александр Орлов: «Я не заболею. И я приду. Жди».

И он вышел из сети! С Ани разом слетела вся сонливость, потому что в квартире не убрано, в холодильнике пусто, вещи на полу нужно перешагивать, а он, видите ли, придёт! Тут уж не до кашля...

Во вторник Аня стала нервничать ещё с утра. Овощи режутся криво, вода в кастрюле как-то неправильно булькает, а на полу соринка! Ужас же! Хоть сопли не текут, и то хлеб. Хлеб! Надо же было купить хлеб! Но на улице же холодно...

Анна Самошина: «Сашенька, ты во сколько придёшь?»

Александр Орлов: «Сразу после пар)»

Анна Самошина: «Саш, а можно тебя попросить? Купи пожалуйста хлеба. А то я забыла

Пальчики на его плечах сжались, выдавая томное напряжение, в котором пребывала Аня. Александр положил свои ладони так, чтобы крепко обхватить бёдра, и сдвинул тело девушки чуть назад, а потом вернул обратно. С шумом выдохнул. Аня, видимо, тоже получила много интересных ощущений. Девушка распахнула глаза и снова коротко простонала. Следующему движению она подалась навстречу, послушно изгибаясь и целуясь до опухших губ. Аня плавилась. Она горела изнутри, как свеча, и таяла, как воск. Затуманенный вином мозг ясно осознавал лишь одно: она желанна, она любима, и в этом ничего не нужно менять.

Александр горел тоже. Он загорался от Аниных рук, от её тёплой нежной кожи, от смелых и страстных поцелуев и покорности. В конце концов, в мире, где случается столько всего невероятного, чудесного и страшного, самое важное - пылаешь ты или просто тлеешь...

Мужчине становилось всё труднее дышать: казалось невозможным впустить в лёгкие раскалённый воздух. Хотелось никогда не выпускать из объятий родное существо, подарившее удовольствие. Наконец, Александр почувствовал, как напрягается всё тело, мышцы судорожно сокращаются, а сердце начинает стучать в горле. За напряжением пришла абсолютная расслабленность. Александр длинно выдохнул и обнял Аню, случайно задрав её футболку до лопаток. Девушка, тонко уловив изменение его состояния, распласталась по горячему телу ленивой медузой. Её сердце тоже стучало часто и неровно.

Это был миг единения не тел, но душ. Было тихо, спокойно, и не нужны были никакие слова. Но миг короток, и следом за ним на пару пролился поток глупых мыслей и неуместной неловкости. Благословенный туман исчез, оставляя их на растерзание страхам и сомнениям. Аня рассматривала бежевую ткань повлажневшей рубашки Александра и не хотела поднимать взгляд. Что она сделала? Что он теперь о ней думает? И что теперь со всем этим делать? Александр продолжал обнимать девушку, и рассуждения его тоже были невеселы. Воспользовался. Ведь воспользовался, так это выглядит со стороны! Напоил, обманул, совратил... а у него и в мыслях не было! Как исправить ситуацию? Что делать, если Аня сейчас возьмёт и заплачет? Всё же, в некоторых вещах она такая наивная...

Вдруг мысль Александра зацепилась за главное слово вечера. Ребёнок. Аня же сама как-то говорила, что её достоинство - и огромный недостаток - способность и даже потребность быстро переключаться. Если за окном тучи, рисуй солнышко, если хочется истерить, юмори по-чёрному. Клин клином. Стоит попробовать?

Думая о ножницах и клиньях, Александр встал вместе с Аней и повёл её к разложенному дивану, всё так же прижимая к себе. Девушка безропотно шла, куда ведут, не поднимая взгляда, но вцепившись в руки Александра, как в последнюю надежду на спасение мира. Она находилась в каком-то шоковом ступоре. Александр уложил её на диван, укрыл одеялом, в ванной закинул свои брюки с бельём в стиральную машинку (такое надеть никуда нельзя), а рубашку повесил на дверь и замотал на бёдрах полотенце, предположив, что Ане сейчас всё равно. Мужчина подумывал принять душ, но оставлять Аню в её нынешнем состоянии даже на минуту было боязно. Он вернулся в комнату, лёг рядом с девушкой и обнял её со спины. Аня никак на это не отреагировала, погружённая в свои душевные метания. Александр прижался носом к её макушке и сказал совершенно не то, что хотел:

- Теперь ты, как честная девушка, должна ко мне переехать.

Аня чуть повернула голову, и мужчина счёл это успехом. Кажется, взрослый ребёнок

переключился.

- Думай, - Александр быстро прижался губами к виднеющейся из-под одеяла шее, и почти мгновенно отключился.

===== 17. Утро начинается или искренностью на искренность. =====

Александр проснулся от будильника на телефоне и тут же дёрнулся его выключить. Рядом, закинув на мужчину правую руку и уткнувшись носом ему в плечо, трогательно сопела Аня. Девушка всегда спала очень чутко, и громкий писк естественно потревожил её сон. Она и ночью пару раз просыпалась, когда неожиданный сосед по спальному месту ворочался. Памятуя о событиях вчерашнего вечера, Аня совершенно не представляла, как теперь вести себя с Сашей. Было стыдно и неловко. А ещё он голый, кажется! Торс, так точно. Ане немедленно захотелось посмотреть, но открывать глаза было всё ещё стыдно. В конце концов, Саша же не знает, об особенностях её сна... может, её утром из пушки не разбудишь.

Александр минуты две разглядывал Аню. Её волосы разметались по подушке, ресницы оставили полукружия теней на коже, губы влажно блестели. Девушка вздохнула и повернулась на другой бок, плотнее укутываясь в одеяло. Александр улыбнулся непонятно чему, отвёл с её лица тёмную прядку и пошёл в душ. Аня открыла глаза. В универ она конечно не пойдёт, но Саше-то в обитель знаний обязательно нужно. Как он пойдёт голодный? Вчера ещё, кажется, машинка стиральная шумела... значит, нужно достать гладильную доску, и включить утюг. А ещё закапать нос...

Александр пробыл в душе не больше десяти минут, но за это время в квартире изменилось многое. Постель была застелена, и Ани в ней не было. Перед шкафом с зеркальными дверцами стояла гладильная доска. На кухне возмущался чайник. Мужчина хотел сразу направиться к источнику звуков, но вспомнил, что даже Адам и Ева листочками прикрывались, а он и полотенце в ванной оставил по привычке. Умная машинка штаны и трусы постирала и даже подсушила. Но вещи всё равно были мокрые, достать их ночью никто не озаботился. Александр сушил их утюгом ещё минут десять. Аня эти десять минут помешивала чаёк и нервно думала: сходить за Сашей или нет. И если сходить, то что сказать? К счастью, он появился самостоятельно до того, как девушка съела свои ногти.

Мужчина предстал перед ней уже в своих тёмных брюках и рубашке, правда, незастёгнутой. Было очень необычно видеть его таким: взъерошенным, босым, небритым. Домашним. Да, он наверняка выглядит так же дома по воскресеньям.

- Привет, - Александр подошёл к Ане и оставил на её щеке колючий поцелуй, каждую секунду опасаясь получить удар под дых, пощёчину или истерику.

- Привет, - Аня улыбнулась краешком губ, осмысливая происходящее.

Всё идёт спокойно. Всё хорошо. Саша не считает её сумасшедшей, а она сама не испытывает негативных чувств к Саше. Прекрасно! Наверное... Правда, смущение никуда не делось, и при воспоминании о том, что случилось вот на этом стуле, щёки алели, как маков цвет.

- Будешь картошку? - девушка потупилась и сцепила руки перед собой, словно пытаясь стать меньше.

- Буду, - кивнул Александр, чувствуя, как на лице снова появляется улыбка. Он не спешил садиться и, как оказалось, не зря.

Анин папа всегда говорил: «Сосредоточься на том, что ты делаешь. Остального мира для тебя сейчас нет». Аня, к сожалению, так сосредотачиваться не умела, а потому уронила вилку, накладывая картошку, почти разбила тарелку и стеклянный круг в микроволновке, почти обняла горячий чайник... Александр успел обнять девушку раньше.

- Анечка, прости меня, - заговорил он, крепко прижимая к себе растерянную девушку, - видит Бог, я не хотел и не планировал того, что случилось. Но это уже случилось, и мы ничего не сможем изменить. Я и не хочу. Ты замечательная, ты такая солнечная девочка... И я тысячу раз виноват, если вчера напугал тебя. Я очень жалею, - его рука опустилась с талии на живот, а затем мягко очертила бедро, и Анино тело отозвалось внутренней дрожью, - что не подарил тебе такое же удовольствие, что ты мне. Но я надеюсь, - рука вернулась обратно на талию, - что смогу это сделать, когда ты мне позволишь.

Александру тяжело давались слова, он не привык высказывать самое сокровенное кому бы то ни было... но разве с Аней возможно иначе? Когда каждый день получаешь метр пятьдесят девять искренности в чистом виде, догадываешься, что в ответ от тебя надеются получить то же самое.

Аня растроганно стёрла слезинку с уголка глаза и положила свои руки на руки Александра, обнимавшие её.

- Саш, дай тарелку достану, - тихонько попросила она, потёршись головой о плечо мужчины.

Александр отпустил девушку и выпрямился, но сделать хоть шаг назад было выше его сил. Он посторонился, пропуская Аню с тарелкой к столу и сел, отодвинув для неё стул и дождавшись, когда она присядет.

Мужчина взял предложенную вилку и начал без особого аппетита поглощать предложенную картошку с кусочком курицы. Он потерянно жевал, а Аня наблюдала за этим блестящими каре-зелёными глазами и крепко сжимала ладошками кружку с чаем, чтобы не подойти, не обнять, не полезть целоваться... во-первых, потому что Саша кушает, а во-вторых, потому что всё ещё неловко после вчерашнего. Воспоминания прочно обосновались в Аниной голове смущая и искушая.

- Ты чай пей, он с женьшенем. Бодрит не хуже кофе, - опомнилась девушка, заметив, что Александр уже дохрустывает последним огурчиком с тарелки. Мужчина мельком глянул на Аню, но кружку взял.

Потом хозяйка собрала посуду в раковину, нашла новую зубную щётку для гостя, а ещё бритвенный станок, который от папы остался. Всё-таки, если препод приходит небритым в первый раз за всё время преподавания, это уже отличный повод отвлечься от лекций.

И уже в дверях, когда Аня провожала Александра, она кашлянула, смущённо потупилась и окликнула понурого Графа:

- Саш... - Александр обернулся и, как всегда, в непонятных ситуациях, аристократично заломил бровь.

- Я люблю тебя.

Именно так, не "Я тебя люблю", как говорят иногда в шутку или в качестве благодарности. Эта формулировка озвучивалась Аниным голосом столько раз, что хватило бы на каждый день

календаря Майя. Но “Я люблю тебя” - это уже не просто слова, это заклинание, это признание своей полной капитуляции перед существом, пробудившим в сердце целую бурю... Скрыться за дверью девушке не позволило кольцо сильных рук, сдавившее и перекрывшее все пути отступления.

- Я люблю тебя, - повторил Александр прежде чем наклониться и доказать это уверенным прикосновением губ к губам.

Видимо, вчера в Аниной голове что-то щёлкнуло и отключилось, потому что она ответила непривычно жадно и жарко, притянула мужчину ещё ближе за ворот незастёгнутой куртки... Александр не дал себе увлечься. Он мягко отстранился и придержал девушку, потянувшуюся за новым поцелуем.

- Анечка, - выдохнул мужчина, пытаясь припомнить, что изначально хотел сказать. - Иди в тепло, а то заработаешь ещё осложнение.

Аня всё-таки дотянулась и чмокнула Александра в подбородок. Уже закрывая дверь, она обернулась:

- Ну ты же меня полечишь, если что?

- Хочешь в доктора поиграть? - весело спросил мужчина, забывая, что говорит со скромняшкой Аней.

- Может быть, - таинственно улыбнулась девушка и отрезала свою квартиру от внешнего мира дверью.

Александр на эту дверь посмотрел-посмотрел, потёр шею, хмыкнул и отправился покорять юные умы, не замутнённые лишними знаниями. А Аня осталась в своей квартире думать. О чём? Об Александре. Об уходе зимы. О том, что забросила испанский и китайский, и о массивном чёрном столе из аудитории...

===== 18. О домашнем льве или счастье на всех одно. =====

Через два дня Аня смогла излечиться от коварной болезни, но не от такой же коварной способности думать много и не по делу. Появилась тысяча вопросов. Что дарить Саше на двадцать третье? Пошутил ли он про “переехать”? Промучившись с такими размышлениями до пятницы, Аня решила спросить у Александра. Спрашивать было особенно неловко из-за того, что они снова пришли “смотреть кота”, а именно, к Саше домой. И вот Аня и Александр сидели на мягком диване в гостиной, Вий пытался устроиться между ними, но вытеснялся хозяином, а у девушки в голове, как в песенке, “тараканы бьют в барабаны”. Аня рассеянно погладила Вия, и тот, уязвлённый злокознями своего двуногого, свернулся клубком на её коленях. Александр прогонять животное не стал, обнял Аню за плечи и прибавил звук на телевизоре. Да, они снова смотрели фильм. Детектив на английском, чтобы Аня вместо аудирования слушала. Только она не слушала...

- Саш... А ты про переезд серьёзно сказал? - робко спросила девушка, разглядывая мужской профиль.

Александр помолчал, не отрываясь от просмотра фильма. Сейчас последний шанс приостановить телегу, несущуюся вниз с горы и набирающую чудовищную скорость. Готов ли он слушать отрывки из разных произведений двадцать четыре часа в сутки, снова терпеть волосы по всей квартире и чужие вещи в своём шкафу? Кучу баночек в ванной, краски на

своём столе, вечное шуршание и бормотание?

- Такими вещами не шутят, Анечка, - ответил Александр, прижимая девушку к себе.

Не попробуешь - не узнаешь, так ведь? С Аней хотелось попробовать. Девушка обняла его в ответ, тем самым обидев Вия до глубины его наглой кошачьей души.

- Саш, мне нужно будет сказать родителям, - сказала Аня тихим, чуть дрожащим голосом. - Они же мне жильё снимают, коммунальные оплачивают. Не могу я им врать.

Над этим Александр тоже думал, и у него тоже тараканы в голове играли на разных музыкальных инструментах. А ещё Аня не сказала "да", но оно, тем не менее, звучало отчётливо в каждом звуке её речи. И ещё отчётливее это "да" светилось в её взгляде, даже до того, как Александр задал свой вопрос.

Но вернёмся к тараканам и барабанам.

- У нас на двадцать третье число сколько выходных выпадает?

- Четыре дня получается, - ответила Аня после короткой паузы.

- Вот и поедем знакомиться, - подытожил Александр.

Аня бестолково хлопнула глазами, посидела с минуту неподвижно, а потом полезла целоваться. Половину фильма они пропустили. Александр хотел устроить маленькое безобразие, как во вторник, но быстро осознал, что это опасная затея, обозвал себя старым больным извращенцем и задвинул смерч, закручивающийся между ним и Аней, куда подальше. В тот вечер, впервые после армии, хотелось курить.

Двадцать Третье февраля подкралось незаметно. Прямо как писец. Всё, что Аня помнила из предпраздничных событий, это объятия Александра, собственные бесконечные рассказы о многочисленных родственниках и своё колотящееся сердце, когда позвонила мама.

***

- Анют, тебя Наташа с Ясей заберут, - говорил телефон маминым голосом. На заднем плане ругались племянники.

- А Мухамед с ними не поедет? - спросила Аня, прикидывая объём машины и количество человек.

- Он позже поедет, - значит, места в машине хватит.

- Mam, а... а можно я не одна приеду?

- А с кем? - голос мамы немного изменился, как всегда, когда какая-нибудь маленькая деталь выбивается из её продуманного плана.

- С молодым человеком, - пискнула Аня, подписывая себе приговор.

- С каким таким молодым человеком? - голос стал ещё глуше, будто вопросы застревали у мамы в горле и не хотели выходить.

- С моим молодым человеком, - зачем-то уточнила Аня. - Мы с декабря встречаемся.

В трубке зашумел вздох.

- Он кто?

- Преподаватель, - совсем безнадежно ответила Аня.

- Сколько лет?

- Двадцать восемь в декабре исполнилось.

Вздох из динамиков почти оглушил.

- Ну тихууушница, - протянула мама на пару тонов ниже. Она говорила таким голосом, когда дело было швах, но что-либо изменить уже невозможно, и нужно как-то выкручиваться.

- Прости, - пискнула Аня.

- Привози.

- Mam... а ты с папой поговоришь? - с надеждой спросила девушка.

Третий вздох был уже тише.

- Поговорю.

***

- Привет, Анютка! - из машины выглянула полная женщина лет сорока с веселыми серыми глазами и живым лицом.

- Аааня! - радостно пробасили из глубины автомобиля. Это была девочка по имени Ясмин, Александр её не видел, но из Аниных рассказов знал, что папа у неё араб, и у девочки внешность и характер целиком папины.

- Привет, - улыбнулась Аня всем разом и нервно дёрнула лямку своего рюкзака.

- Ты с ещё одним попутчиком? - заговорщически подмигнула женщина.

- Здравствуйте, - подал голос Александр.

- Здравсте-здравсте, - собеседница окинула его оценивающим взглядом и, кажется, осталась вполне довольна своими наблюдениями. - Садитесь.

Яся передислоцировалась на переднее сидение, а Саша и Аня с переноской заняли заднее.

- Я Наталья, это Яся, - представилась женщина и начала разворачивать машину.

Девочка выглянула из-за сидения, и Александр убедился в словах Ани: смуглая, черноволосая и кареглазая Яся была совсем непохожа на мать.

- Очень приятно, Александр, - в свою очередь представился мужчина.

- А кто это у вас там? - поинтересовалась Наталья, указывая на переноску.

- Кот, - ответила Аня. Ей было не по себе.

Им пришлось взять с собой Вия. Размеры его миски позволяли обойтись без хозяина два дня, но никак не четыре.

- Понятно, - бодро сказала Наталья. - Как вам преподавание?

И завязался разговор.

Аня, пребывающая в нервном напряжении, вяло отвечала на редкие вопросы Яси и незаметно для себя задремала, утомлённая собственными мыслями. Александр подгрёб девушку к себе и заговорил на полтона ниже, явно повысив свой рейтинг в глазах тётки. Аня проснулась только на въезде в Тулу.

- Прости, - сонно шепнула она мужчине и нехотя от него отлепилась.

- За что? - полюбопытствовал Александр. Разговор с Натальей сам собой увял ещё минут сорок назад, и теперь в машине играло радио.

- Оставила без моральной поддержки, отлежала тебе всё, наверное, - повинулась Аня.

- Можешь отлежать ещё что-нибудь, - со смешком заверил Александр.

- Да мы приедем скоро, - ответила девушка. Но к мужчине поближе притёрлась.

Наталья высадила пассажиров и поехала дальше, к бабушке. К своей маме, то есть. Дом у Самошиных был... интересный. Он располагался в деревне за городской чертой и летом - Александр на фотографиях видел - был живописно увит девичьим виноградом. Изящные кованые ворота и ограда не скрывали фасад здания и кусочек двора. Зато весь остальной забор представлял собой высокие листы железа, скреплённые вместе. Александр тактический ход оценил. "Мы от вас не прячемся, но и увидеть ничего не дадим"

Аня осмотрелась, счастливо вздохнула, взяла Сашу за руку и пошла. Ворота скрипнули, пропуская людей во двор. Аня пошла не направо к двери, а во внутренний двор. Александр решил не задавать вопросов и просто следовал за ней. По скрипу снега было件нятно, что кто-то ожесточённо работает лопатой. Работал невысокий мужчина в синей куртке и мальчик в полной экипировке: куртка, штаны болоневые, перчатки, шапка. Ещё один такой же экипированный, лет шести, ковырялся рядом и просил дать ему "взрослую лопату". Он-то и увидел гостей первым.

- Аня приехала! - звонко завопил он и побежал навстречу.

Второй парнишка, возрастом на вид около десяти лет, бросил свою лопату и припустил следом. Они влетели в Аню двумя метеорчиками и едва не сбили с ног.

- Привет! - девушка радостно обняла их, как дотянулась. - Андрюха, ты куда растёшь? Скоро меня перегонишь!

Мальчик повыше заулыбался и с любопытством глянул на неизвестного гостя.

- Он говорит, что я малявка! - тут же пожаловался другой мальчишка. Аня только вздохнула. Она сама такое Андрею, бывало, говорила.

Пока Александр разглядывал Аниных племянников, мужчина воткнул в снег все брошенные

инструменты и подошёл к компании. У него было сосредоточенное лицо и пронзительный взгляд из-под седеющих - но когда-то чёрных - бровей. Под курносым носом топорщились усы. Александр обернулся на шаги вовремя, чтобы увидеть как строгая и серьёзная сосредоточенность сменяется на лице человека добрым весельем.

- Кто же это к нам пришёл! - воскликнул Андрей Анатольевич. Его имя Александр знал из Аниных рассказов. Он пожал руку Александру и обнял Аню.

- Привет, папуль, - девушка чмокнула его в щёку. Ей было уже немного непривычно, что для этого действия не нужно вставать на цыпочки. - Это Саша, - Аня выпуталась из объятий и снова взяла Александра за руку. - А это мой папа, Андрей и Маркуша.

- Очень приятно, - Александр учтиво пожал руки обоих племянников и этим, кажется, уже завоевал себе некоторый авторитет.

- Ой, мы Вия заморозим! - спохватилась Аня.

- Кого? - Андрей Анатольевич кашлял и смеялся одновременно.

- Кота, - пояснил Александр и поднял тёплую переноску повыше.

- Оригинально, - прокашлялся глава семейства и всех повёл в дом. Во дворе тоже, как оказалось, была предусмотрена входная дверь. Пройдя закрытую веранду, они оказались в прихожей с огромным шкафом.

- Еленочка Викторовна, встречай нас! - крикнул Андрей Анатольевич, пока все раздевались.

В комнату вплыла моложавая женщина одного с Андреем Анатольевичем роста. Елена Викторовна не была худой, но однозначно весила меньше своей младшей сестры Натальи. У неё тоже были серые глаза и прямой нос. На этом сходство между сёстрами заканчивалось. Короткие волосы светло-каштанового цвета Елена Викторовна сколола на затылке крабом и расцвела улыбкой настоящей женщины: тихой, искренней, светлой, доброй, чуточку грустной и очень мудрой.

- Елена, - негромко сказала мама, подходя ближе.

- Александр, - гость наклонился и поцеловал поданную ему руку.

Он так не делал, пожалуй, даже на свиданиях, но попав под влияние Елены Викторовны, он посчитал свой жест вполне естественным и даже необходимым.

- Молодой человек, ухаживайте за другой девушкой! - шумно возмутился Андрей Анатольевич. Он подошёл к жене и собственнически обнял за плечи. - Эта девушка уже занята.

Аня со смехом повисла на родителях, Маркуша втиснулся в середину скульптурной группы, маленький Андрей прилип рядом. Через пару секунд семейка снова распалась на отдельные составляющие. Дети сразу же унеслись куда-то вглубь дома, Елена ушла обратно на кухню, а Андрей Анатольевич с дочерью повели Александра на осмотр "семейного гнезда".

Вия выпустили наружу и поставили лоток под ванной на первом этаже. Анина комната располагалась на втором этаже. Александру продемонстрировали все помещения. Анину обитель было очень легко узнать: в ней стоял огромный белый стол с множеством стаканчиков и коробочек для карандашей. Большую их часть составляли всякие банки и упаковки,

получившие новую жизнь под слоями акриловой краски.

- Тут наша спальня, а это детская, - вещал Андрей Анатольевич.

Потом пришла очередь третьего этажа. Рассказывая о доме, Аня пошутила, что этот несчастный третий этаж надстраивался дольше, чем строился весь дом. Андрей Анатольевич сказанное дочерью подтвердил, пока они втроём поднимались по изящной винтовой лестнице. Если второй этаж был весь обклеен цветочными обоями, то третий полностью отделялся деревом. Он представлял собой одно общее помещение с лестницей на чердак и маленьким сан-узлом. У окна стояла клетка с обгрызенными деревянными полками.

- А там живут Анины шиншиллы, - сказал Андрей Анатольевич, указывая на эту самую клетку.

- Они уже больше мамины, чем мои, - заметила девушка, проводя рукой по металлическим прутьям. Пушистые зверьки спали в гамаке, свернувшись двумя хвостатыми клубками.

- Ну а что ж ты хотела, второй раз от них уезжаешь, - иронично напомнил Ане отец.

Александр зацепился мыслями за слово "второй". Один раз это понятно, университет, а что было ещё?

- А куда ещё ты уезжала? - негромко спросил Александр, наклонившись к Аниной голове.

Андрей Анатольевич несмотря на его ухищрения вопрос услышал. Он сначала свёл брови к переносице, затем поднял максимально близко к волосам, сморщив лоб.

- Аня, ты не рассказывала Александру про поездку в Китай? - удивился хозяин дома и тут же пояснил для гостя: - Она у нас десятый класс в Даляне отучилась. Потом вернулась, не смогла далеко от дома, - Андрей Анатольевич подошёл к дочери приобнял за плечи и быстро провёл ладонью по её руке, как кошку погладил.

Аня обернулась к Александру, и её взгляд стал настолько виноватым, что казалось, вот-вот расплачется. Немую сцену прервало шебуршение на чердаке. Андрей Анатольевич быстро поднялся вверх с возгласом "И тут идёт страшный лев!". Мальчишки ответили радостным визгом.

- Прости, - пролепетала Аня. - Я боялась, что ты начнёшь считать меня избалованной дурочкой богатых родителей. Ты просто о наших девочках с курса отзываешься с таким пренебрежением, мол, сами ничего не добились, сидят на шее у родителей... А я ведь тоже сама ничего не добилась, мне всегда во всём помогали, разрабатывали пальцы, нанимали репетиторов, водили к психологам... Ты видишь, мои родители простые люди, и я тоже, просто я... не такая смелая... - Александр шагнул к девушке, прижал её к себе, безжалостно давя своими объятиями нелепые страхи, родившиеся из мелочей. Аня от полноты чувств всё-таки расплакалась. - Я боялась, - всхлипывала она, - что ты будешь ко мне относиться, как к ним. Я тебя не обманывала никогда, просто про Китай не договорила. И ещё про поездки с родителями.

Аня крепко обнимала Александра и никак не могла остановить поток слёз. Ей было горько и стыдно, особенно за своё детское поведение вот сейчас. От мыслей о том, что о ней сейчас думает мужчина, становилось ещё хуже, и глаза увлажнились по новой.

- Кажется, у нас с тобой сегодня будет вечер откровений, - подытожил Александр, думая, что

тоже задолжал Ане немало историй из своего прошлого. Аня - девочка неглупая и всегда всем интересуется, так почему же об этом не спросила?

Аня угукнула и потопала умываться. Извинилась за истерику, заработала несильный шлепок по мягкому месту за то, что "говорит всякие глупости". Её папа застрял с детишками, и Александр предложил спуститься к Елене Викторовне. Аня согласилась, потому что маме нужно было помочь.

Елена Викторовна поставила новообретённых помощников резать овощи и доброжелательно расспрашивала Александра о его жизни. Мужчина отвечал легко и открыто, шутил и потихоньку расслаблялся. Как выяснилось, зря. После вкусного обеда представительницы слабого пола стали убирать со стола посуду, дети убежали охотиться на Вия. Андрей Анатольевич отозвал Александра в свой кабинет. Закрыв дверь, он по-деловому предложил гостю присесть за письменный стол и сам опустился в кресло напротив. В одну секунду этот мужчина из энергичного и позитивного человечка перевоплотился в опасного зверя, внушающего страх и уважение. Он словно стал выше и шире в плечах, его взгляд снова стал пронзительным и цепким, а губы сжались в линию. Каре-зелёные глаза, так похожие и непохожие на Анины своей мудростью и жёсткостью, буквально сканировали Александра. Как он там говорил, "страшный лев"? О да, хищная зверюга, которая успешно строит из себя домашнего котёночка. Он умеет громко урчать и ластиться под ласкающие руки, ну чужаку он хваталки по плечи оторвёт, а за родных ещё и глотку перегрызёт для верности. У Александра даже на мгновение не промелькнуло в голове простое соотношение физических сил и габаритов. Да, он выше, он моложе, но холодные глаза старого льва говорили: "Только рыпнись". Нет, Андрей Анатольевич не сделает ничего плохого - дочка расстроится. Но заломает на раз и к семье на пулемётный выстрел не подпустит. Слишком много потерь отражалось в хрусталиках подслеповатых глаз.

- Какие планы у вас относительно моей дочери? - без предисловий спросил Андрей Анатольевич.

- Я предложил ей ко мне переехать, - честно ответил Александр.

- Это вы молоде-е-ец, - протянул старый лев. - Я не отрицаю, что могу быть излишне старомодным. Но в моё время сначала предлагали руку и сердце, - он сложил руки на столе и продолжил буравить оппонента тяжёлым взглядом.

- Я считаю, что мы оба ещё не готовы к такому шагу, - произнёс Александр, стараясь не опускать глаз и даже не моргать.

- А спать вместе вы уже готовы? - выплюнул Андрей Анатольевич, не меняя своего враждебно-делового тона.

- Спать вместе мы будем тогда, когда будет готова Аня, - отрезал обвиняемый. Лев придвинулся к столу вплотную, будто готовясь к прыжку.

- А то ты не видишь, как ей дорог. Ты попросишь, она согласится, - Андрей Анатольевич заговорил тише, но оттого ещё более пугающе.

- Вы плохо знаете свою дочь, - ровно возразил Александр.

- Моя дочь с двенадцати лет пишет такие стихи о любви, что у меня сердце разрывается, - сказал мудрый лев совсем тихо. - А что о ней знаешь ты? Ты не знал даже о Китае.

- Она побоялась мне говорить, и это моя вина, - спокойно согласился Александр. - Поэтому я не предлагаю ей выйти за меня. Мы оба ещё не готовы. Я не до конца знаю её, она тоже знает обо мне не всё. Она никогда не пробовала жить с кем-то как пара. Она не знает, что это такое. И лучше нам спокойно разойтись в случае чего, чем со скандалом разводиться. - Андрей Анатольевич, - Александр тоже склонился над столом. - От меня как-то сбежала любимая со всеми моими сбережениями. Я знаю, что такое предательство. Я не обижу вашу дочь.

Лев продолжал смотреть на своего визави, не двигаясь. Александр чувствовал себя так, будто его вывернули наизнанку и завернули обратно. Наконец Андрей Анатольевич заставил себя вернуться к ампула доброго дяденьки, у которого в кармане обязательно найдутся конфеты для детишек. Он выдохнул, расслабился и попытался устало улыбнуться.

- Я желаю ей счастья, понимаете, Александр? - заговорил мужчина без прежней стали в голосе. - У нашей старшей дочери, как видите, не получилось, и я чувствую в этом свою вину. У неё чудесные детки, и это я виноват в том, что они растут без матери. Что они ей сейчас не нужны. А потом будет поздно. И я полжизни бы отдал, чтобы всё изменить. И ещё полжизни, чтобы не повторить. Вы понимаете, Александр?

Александр не слишком понимал, при чём здесь Катерина, о которой он знал только по Аниным устным описаниям и фотографии, но из уважения к чужой боли, к незаживающей ране он сказал:

- Отлично понимаю, Андрей Анатольевич, - и протянул руку для рукопожатия.

***

Выходя из кабинета, Александр поймал два обеспокоенных взгляда из кухни. Кивнул Елене Викторовне и подмигнул Ане. Остаток дня пролетел суетно: все вышли на улицу гулять, Адреи, большой и маленький, устроили перестрелку снежками, Маркуша подключился к ним, как только Алёна (так почему-то в семейном кругу называли Елену Викторовну) надела ему варежки. Аня смотрела на них и липла к маме так, что и гвоздодёром не оттянешь. Александр сжимал её ладошку и переводил взгляд с бесящейся троицы на умилённую парочку. Это было... странно. Эти люди были, как мозаика, из которой собиралось эксклюзивное создание по имени Анна. Рассудительность и приятный голос от матери, от неё же каштановый цвет волос и милые губки бантиком. Жёсткость суждений, любовь к Высоцкому и черты лица - кусочек папы. Маркуша так же любил обниматься и терялся порой даже в собственных игрушках, а маленький Андрей был таким же солнечным и весёлым. Вот самые важные люди в Аниной жизни. А теперь ещё он, Александр. От этой догадки стало легко и одновременно очень тяжело. Мужчина хорошо помнил, как Аня рассказывала ему о том, как у неё началась война с деревенскими мальчишками просто из-за того, что один ей солгал. И ведь солгал безобидно, просто хотел подольше погулять на улице с весёлой девочкой... Аня говорила об этом со смехом и стыдом, но на деле ничего не изменилось. Разве что, войны не будет. Поднимется железный занавес, и никто его не опустит. А если и опустят, так поведут под нехилым конвоем.

К бабушке с дедушкой решили сегодня не идти, потому что дети извалялись в снегу, и Марк засопливил. За ужином Александр продолжил свои поиски деталей от мозаики и находил всё больше и больше. Уже совсем вечером глава семейства ушёл читать детям на ночь, Аня, Елена Викторовна и Александр пили чай на кухне.

- Вам стелить на третьем этаже или в кабинете? - поинтересовалась Елена.

- В кабинете, - Александр так устал за день от всяких проверок, что возможность не подниматься по лестницам была истинным счастьем.

- Мимо текла, текла река*, - вдруг запела Аня.

- Плыли куда-то облака, - подхватила её мама.

Александр слушал. Он слушал и всё отчётливей понимал: эти люди дышат каким-то своим, особенным воздухом. Им было положительно плевать на богатства мира - они заполучили бы их, если бы захотели. Они и получали. И раздавали всем, кому могли. Потому так долго длился ремонт, и потому они живут в доме, а не во дворце. Они всё ещё верят честным словам, хоть и с опаской. Они двигают мир в противовес безумцам, возомнившим себя королями Земли. Понемножку, по чуть-чуть, но... Разве же это не чудо? Разве не так должен поступать настоящий человек, а не двуногое прямоходящее?

- Если радость на всех одна, на всех и беда одна**, - затянул семейный дуэт.

Александр снова слушал. Ещё внимательнее, чем прежде. Кажется, проведя день в смешном деревянно-цветочном доме, он тоже вдохнул в себя тот особенный воздух, и всё его тело теперь перестраивалось.

- А если случится, что он влюблён, а я на его пути, - грустно пела Аня. - Уйду с дороги, таков закон...

- Возьму с дороги большой кирпич и попрошу отойти! - перебил Андрей Анатольевич, только что вошедший в кухню.

- Нет, - шепнул Александр Ане на ухо, пока старшее поколение смеялось. Девушка непонимающе вздёрнула брови, но промолчала.

***

Когда Родители закрылись в своей комнате и включили телевизор, Аня завернулась в свой плед и прокралась вниз, к Саше. Тот не спал, ждал её, сидя на одеяле в пижамных штанах и майке. Аня подползла к нему по разложенному дивану и укутала в кокон вместе с собой. Александр не мешал, только с интересом наблюдал за манипуляциями девушки. Вий прошмыгнул в незакрытую дверь и распластался на их коленях закормленной колбасой шкуркой.

- Саш, а что "нет"-то? - спросила Аня, почёсывая коту брюхо.

- Я не попрошу от тебя отойти, - признался Александр, вздохнув.

- В смысле? - не отставала девушка. Очень хотелось спросить "почему?", но было боязно услышать ответ.

- В смысле, ты, Анечка, маленькая, а я старенький, мало ли, ты найдёшь кого получше, - объяснил Александр, скрывая за шутками своё волнение. Он дал ей свободу, полную свободу от обязательств.

- Ты дурак! - тихо возмутилась Аня, несильно стукнув мужчину по ноге. - Предлагаешь мне переключиться на малолетних идиотов?

- Не идиотов, а молодых, - поправил Саша. - И я совсем не...

- Молодых идиотов, - фыркнула девушка. - И ты совсем не старый. Ты замечательный и самый лучший! А этих придурков я что, не знаю, что ли?

- Ань, самой лет-то сколько? - усмехнулся мужчина.

- А я и не отрицаю, - не смутилась Аня. - Мне тебя даже немножко жаль, что тебе такая вот я досталась. Так что если ты найдёшь...

- Так что там с Китаем? - прервал её Александр и успокаивающе погладил сторбленную спинку.

- А. ну да... - поддалась девушка.

Глупый, глупый Саша. Своим актом прав и свобод он только крепче привязал к себе юное, влюбчивое и восторженное сердце.

===== 19. Ветер перемен или главное, чтобы всё было рядом. =====

Бабушка. Это слово Александра пугало, пожалуй, даже больше, чем слово «родители», потому что о них он слышал очень-очень много. О бабушках меньше. С одной из них он успел познакомиться ещё вчера. Восьмидесяти семилетняя Эмма Васильевна была не сильно привязана к своей семье, любила своего сына, время от времени высказывала что-нибудь его жене, жила в отдельном домике по соседству и одиночество своё обожала. Все её окна были заставлены всевозможными растениями, а за завесой зелёных листочков виднелись стеллажи с пыльными книгами. Эмма Васильевна всё время выписывала себе новые чтива и всё советовала почитать родственникам, а ещё активно готовила себя и близких к своему отходу в мир иной. Лет пятнадцать уже готовила, по словам Ани. Беседа с ней продлилась не больше двадцати минут. Миниатюрная бабуля скупо порадовалась Аниному приезду, расспросила о госте, приговаривая «хорошо, хорошо», показала пару новых, недавно разученных дыхательных упражнений и дала внучке список книг для ознакомления. И даже в этой чудаковатой старушке, которая искренне верила в негуманоидных ящеров, живущих под землёй, и в шамана, охраняющего Путина, Александр нашёл множество кусочков пазла по имени Аня. Некоторые люди влияют на сознание, просто существуя рядом...

С другой бабушкой - маминой мамой - дела обстояли сложнее. Она целыми днями стирала-убирала-готовила, смотрела вечерами «Пусть говорят» и вышивала крестиком. И отчаянно не хотела умирать. К Марии Викторовне в гости засобирались только в одиннадцать, так что у Ани с Александром было время побыть вдвоём...

Утро началось так. Александр сонно поморгал под урчание только что заползшего на подушку Вия и шуршание грифеля. Продрав глаза, мужчина обвёл взглядом комнату и узрел Аню, компактно скрючившуюся в огромном кресле и что-то усердно трущую пальцами. Она подняла глаза на Александра, и выражение хмурой сосредоточенности исчезло с её лица, уступив смущению и радости.

- Доброе утро, - сказала она, перемещаясь на постель, и наклонилась за поцелуем.

- Доброе, - едва успел ответить Александр, потянувшись навстречу. Как странно, они столько раз встречались по утрам в университете, но ни разу не говорили друг другу «доброе утро».

- Извини, что разбудила, - повинилась девушка и в искупление поцеловала мужчину в чуть колючую щёку. А потом в другую. А потом опять в губы.

- Ты меня не разбудила, я сам проснулся, - возразил Александр, - но было бы здорово

просыпаться так почаще.

Он хотел взять Аню за руку, но она не дала – пальцы были серые и уже испачкали майку, в которой девушка спала.

- Я тебя вдохновляю? – весело спросил мужчина.

- Ага, - подтвердила Аня и развернула блокнот к нему.

На бумаге Александр всё ещё спал, приобнимая подушку. Губы были поджаты, и казалось, что он улыбается во сне. А может, и правда улыбался, кто сейчас скажет? Рядом несколькими штрихами была обозначена тушка Вия.

- Сколько ж ты так уже сидишь? – растерялся Александр.

Он положил руку Ане на плечо и по её руке пропутешествовал вниз до талии, выражая жестами то, что не выражалось словами. Ну что ей можно сказать? «Очень красиво»? Так говорят ученикам начальных классов. «Похож»? Очевидно. «Спасибо, что так любишь и любишься?»

- Да недолго, я в восемь с чем-то пришла, - Аня потёрлась виском о плечо мужчины.

Александр перегнулся через подлокотник дивана и нашарил на полу свой телефон.

- А время-то восемь сорок семь, - проинформировал он и посмотрел на Аню, заломив бровь.

- Увлеклась, - заключила девушка. - А вот сам виноват. Зачем ты такой красивый?

- Сонный и лохматый? Ну даже не знаю-а-ю, - зевнул Александр.

Он облокотился спиной на спинку дивана и уложил на себя Аню. Вий недовольно мяукнул, поджимая под себя хвост, и жалостливая любительница четвероногих тут же взяла его на руки. Кота же не так страшно испачкать.

- Анечка, что ещё мне нужно знать о твоей бабушке?

Аня вздохнула.

- Она строгая, но добрая. Очень радеет за справедливость. Советские взгляды на жизнь. Вышла за дедушку только чтобы уехать из своей деревни, не развелась из принципа и чистого упрямства. Крестиком вышивает. Рисовать любит, но не умеет. Всех нас по привычке называет «дочь». Я тебе уже и так вроде... А! – девушка хлопнула себя по лбу, да так звонко, что Вий всем телом дёрнулся. – Ну как же я забыла! Она тебя по-любому о семье расспросит. Моя самая младшая тётя в университете встречалась с профессором. Я его даже помню. И звали его, представляешь, тоже Владимир Высоцкий. Представительный мужчина, умный, квартира у него в Москве была огромная, я там у него всякие вазы срисовывала. Он тёте даже кабинет там обустраивал. Любил её невозможно, говорил «дар судьбы». Но был женат. Жена с детьми раз в полгода приезжали к нему из штатов, и тёте моей приходилось временно съезжать. А она гордая. Ну и надоело ей. Ушла, все связи оборвала, хотя он звонил, плакался. Замуж вышла только чтобы ребёнка родить. Очень хотела. Живёт небедно. А любви нет, - вздохнула Аня под конец своей речи.

- А ты смогла бы жить с женатым на птичьих правах? – спросил Александр и погладил девушку

по плечу.

- Я эгоистка. Я бы заставила его как минимум развестись с женой, - уверенно ответила Аня.

- А если...

- А на нет и суда нет, - она покачала головой. Александр тоже качнул головой, гадая, как это он попал Ане в сердце. Кстати!..

- Ань, ты спрашивала, чем ты лучше однокурсниц. А почему тебя заинтересовал я? - задал Александр интересующий вопрос, повергнув девушку в минутный ступор.

- Ну в смысле, чем, - замямила Аня, - Ты такой умный, весёлый, рассказываешь интересно... а вообще, это случайно получилось, - смутилась она.

- Ну-ка поподробнее, - попросил мужчина, внутренне подбравшись. Становилось интересно.

- Ну чего подробнее? - насупилась девушка. - Ты сказал про стол, и всё, у меня мысли заклинило. И ты из классного преподавателя резко стал классным представителем сильного пола.

- Вот это да, - выдал Александр после продолжительного молчания. - То есть, если бы не та моя идиотская фраза, ты бы на меня внимание не обратила?

- Да обратила бы, конечно, - возразила Аня. - Мало ли случаев. Может, мы с тобой разговорились бы или на улице... кто-то проснулся, - оборвала она свою речь.

Чмокнула мужчину в подбородок и бесшумно выскользнула из комнаты, забрав рисовательные принадлежности. Вий недовольно потоптался на постели и тоже ушёл. Александр потянулся и выдохнул.

- Все меня бросили, - пожаловался он потолку. А ещё ведь бабушка...

Итак, бабушка. Мария Викторовна, невысокая, как и остальные в семье, усталая пожилая женщина с седеющее-чёрными кудрявыми волосами и твёрдым взглядом серых глаз встречала всю честную компанию в прихожей. По её лицу можно было сказать, что эта женщина пережила в этой жизни всё, что возможно, и прочувствовала всем сердцем. Её полные губы были перекошены, глаза стали заметно разного размера, сеть морщин покрывала щёки, лоб, виски и руки.

- Здравствуйте, - делово сказала Мария Викторовна всем сразу и особенно Александру.

- Привет, бабуль, - Аня быстро расстегнула куртку и пошла обнимать бабушку.

- Привет, дочь! - радостно обняла её женщина.

- Бабуль, это Александр, - сказала девушка, отступив на шаг от Марии Викторовны.

- Очень приятно, - улыбнулась бабушка, не спеша, впрочем, слишком радоваться.

- Взаимно, - улыбнулся Александр.

Всё же, племянники у Ани чудные. Быстренько обнялись с Марией Викторовной и Натальей и

унеслись с Ясей в игровую, крича что-то о защите Земли и бластерах. На этой радостной ноте из открытой двери появился крупный и очень упитанный пожилой мужчина с огромным носом и лохматыми бровями. Нахмутив эти самые брови, предполагаемый дедушка двинулся по коридору прямо на Александра.

- Ну здравствуй, жених, - громогласно пролаял он со злостью в каждой интонации.

- Здравствуйте, дедушка, - спокойно ответил Александр. Кажется, они с Виктором Степановичем не понравились друг другу с первого взгляда.

- Это вот так, внучь, теперь учатся? - желчно поинтересовался дедушка, вперивая взгляд в Аню.

- Ты, чего взбесился, Вить? - подала голос удивлённая бабушка.

- Чего я взбесился?! - буквально заревел Виктор Степанович. - А ты посмотри, кого она в дом привела! Одна, вон, приводила уже! Пусть опять так же будет?!

- Пока, бабуль, - Аня чмокнула Марию Викторовну в дряблую щёку, обняла, вручила пакет с подарками. Развернулась и пошла на выход, проталкиваясь через остолбеневших родителей и тётю.

- Обо мне вы можете быть какого угодно мнения, но ваша внучка таких слов не заслужила, - негромко, но чётко проговорил Александр, сдерживая желание ударить этого мужика. - Было приятно с вами познакомиться, - повторил он, обращаясь исключительно к бабушке, и поспешил за Аней. - Прощу меня извинить.

Аня уже спустилась по ступенькам во двор и застёгивала куртку, сердито дёргая замочком. Александр подошёл к ней со спины и замотал в шарф, забытый девушкой в прихожей.

- Спасибо, - буркнула Аня с сердитостью, никак не относящейся к Александру и пошла к калитке, крепко ухватив мужчину за руку. - Пошли гулять.

- Пошли, - легко согласился мужчина.

Пошли они... к волшебной развилке. Дорога разделялась на три разных, которые вели всё равно в одном направлении. Рядом с удивительным образцом ландшафтного дизайна была свалка. Ну, с противоположной стороны от дома вообще располагалось кладбище. Мимо которого Аня всё детство проезжала на санках... Пройдя свалку и недостроенный дом, девушка остановилась, вжалась в Александра и рвано выдохнула. Оказывается, она всё это время плакала.

- Прости за этот цирк, - заговорила девушка отрывисто. - Дедушка у нас старый, больной, голова за сорок с лишним лет алкоголизма проспиртовалась и выплёскивает теперь всё накопленное в кровь, раз уж употреблять он перестал десять лет назад. А сегодня опять, наверное, какой-нибудь «любимый мозоль» заболел, - шипела она, зло шмыгая носом. Александр вздохнул.

- Ну вот и не плачь, - попросил он. - Мы же гулять шли?

- Гулять, - подтвердила Аня и вместо того, чтобы сопроводить слова действиями, встала на цыпочки с явным намерением получить поцелуй.

Александр было ни капельки не жалко. Гулять они продолжили никак не раньше, чем через семь минут. Аня больше не плакала. А мужчина понял её стойкую нелюбовь к алкоголю. С таким примером, пожалуй, запьёшь...

Через десять минут прогулки Аня подумала, что, наверное, их ищут. Дисплей телефона приветливо высвечивал четыре пропущенных от мамы и два от папы. Нездорово.

- Алё, мамуль, прости нас пожалуйста. Мы у администрации стоим, - протороторила девушка в трубку. Динамики разразились привычным вздохом.

- Возвращайтесь, - устало сказала Елена Викторовна. Теперь вздохнула Аня.

- Нас зовут обратно, - сообщила она. - Пойдём?

- Ну что ты меня спрашиваешь? Хочешь, пойдём, не хочешь - не пойдём, - Александр пожал плечами.

- Надо пойти, - Аня печально посопела носом, и они пошли обратно.

Во второй раз их встретили уже спокойнее. Бабушка, правда, переволновалась и едва могла говорить. Дедушка на всех обиделся и закрылся в своей спальне. Видя состояние Марии Викторовны, Александр с Аней старались как можно больше улыбаться.

- Главное, чтобы всё рядом было, - повторяла бабушка уже, кажется, в четвёртый раз. - И учёбу закончить.

- Естественно, - согласился Александр.

В общем и целом, семье он понравился. А когда они с Аней дуэтом запели всякие песенки из кинофильмов, женщины и вовсе всплакнули. Взгляд Андрея Анатольевича затуманился. Главное, чтобы всё было рядом: сердце рядом с головой (в переносном смысле), душу рядом с душой, человек рядом с человеком.

Провожали их в субботу все: и родители, и племянники. Наталья с дочкой остались, к ним ехал глава семейства, а Аня с Александром решили ехать на электричке.

- Совсем ты у меня уже взрослая стала, - сказал Андрей Анатольевич с привычными, выученными до полутона интонациями.

- Да Господь с тобой, - так же привычно ответила Аня, целуя отца в щёку. - Маленькая я.

- Нет, - уже не маленькая, - возразил мужчина с улыбкой. Улыбка эта была полна любви, воспоминаний, боли и смирения. - И уже не моя.

- Пап, ну что ты, - Ане захотелось плакать, но Александр погладил её руку от плеча до локтя, и слёзы тут же высохли.

Да, немаленькая. Но когда перемены в жизни были лёгкими?

Кружит Земля, как в детстве карусель,

А над Землёй кружат ветра потерь.

Ветра потерь, разлук, обид и зла,

Им нет числа.

Им нет числа, сквозят из всех щелей
В сердца людей, срывая дверь с петель.

Круша надежды и внушая страх,

Кружат ветра, кружат ветра.

Сотни лет и день, и ночь вращается

Карусель-Земля,

Сотни лет все ветры возвращаются

На круги своя.

Но есть на свете ветер перемен,

Он прилетит, прогнав ветра измен,

Развеет он, когда придёт пора

Ветра разлук, обид ветра.

Сотни лет и день, и ночь вращается

Карусель-Земля,

Сотни лет все ветры возвращаются

На круги своя.

Завтра ветер переменится,

Завтра, прошлому взамен,

Он придёт, он будет добрый, ласковый,

Ветер перемен.

Завтра ветер переменится,

Завтра, прошлому взамен,

Он придёт, он будет добрый, ласковый,

Ветер перемен.

===== 20. I lose control или куда катится жизнь. =====

Аня возвращалась от родителей в растрёпанных чувствах. Вроде бы, теперь всё узаконено. Но инцидент с бабушкой оставил на душе нехороший осадок. Как будто добрые воспоминания покрылись плесенью. У Ани не было сомнений вроде «А вдруг он не тот единственный?». Она

считала, что «единственных» вообще не бывает. Ну нет их. Просто нет. Её родители нежно любят друг друга уже тридцать лет, а ведь их свела вместе простая случайность. Они не были созданы друг для друга, вовсе нет, бывают и ссоры, и споры, и обиды. Но уважение, верность и благодарность за поддержку – вот то, на чём строятся любые отношения. Мама и папа просто видят свои ошибки и не боятся признать их. Они притирались друг другу долгие годы. Для Ани секрет большой и чистой любви заключался в колоссальной работе над собой ради человека, который полюбит «такой, какая есть». Аня всю свою сознательную жизнь страдала от своих собственных чувств. Как избавиться от боли, когда ты засыпаешь и просыпаешься с мыслью «Я его люблю»? Самовнушение – великая вещь, особенно, когда дело касается такой тонкой материи, как любовь. В определённом смысле любовь, пожалуй, и есть самовнушение. По крайней мере, долгая... И всё же, по прошествии такого долгого времени Ане было крайне сложно поверить в то, что её чувства взаимны и приятны.

Александр ни чем подобным не мучился. Его одобрили, и всё было замечательно, пока Аня не сказала в один из будней:

- Ты даже не можешь представить, как странно будет жить со мной вместе.

Вид у неё при этом был сумрачным донельзя.

- А что такое? – тут же поинтересовался мужчина.

- Ну, буду ходить, как чучело, вся облитая маслом и зубной пастой. Красками ещё, – выдала Аня. – И всё заляляпаю.

- Зачем в масле? – запутался Александр.

- Полезно для волос, а то секутся, – поделилась девушка.

- Ладно. А пастой ты что мажешь? – совсем потерялся Александр.

- Не поверишь, лицо, – честно ответила Аня. – Либо так, либо тонны косметики, у нас плохая кожа – наследственное.

- Как-нибудь пасту переживу, – заверил её мужчина.

Ему уже стало интересно, как это чудо (от слова чудовище) будет выглядеть в естественной, так сказать, среде обитания. Аня только фыркнула. Её дело – предупредить.

А между тем близилось восьмое марта. В эту замечательную во всех смыслах среду Аню разбудило сообщение.

«С праздником))) собирайся, через три часа идём гулять)»

Девушка улыбнулась, потискала подушку и пошла собираться, совершенно счастливая. Она даже немножко подкрасилась, чтобы спрятать тени под глазами и вернуть покрывшиеся тональником ресницы. Александр действительно появился через три часа (а именно, в двенадцать), как всегда, галантный и аристократичный. За приветствием последовали привычные, но оттого не менее приятные обнимашки.

- Где гулять будем? – спросила Аня уже в лифте.

- Везде, – провозгласил Александр. – Заодно проверим твои знания иностранных языков.

Гулять оказалось очень весело. Саша задавал вопросы на английском, подкалывал, и то и дело спрашивал на испанском «Что это?», указывая на разные предметы и вывески. А потом со смехом поправлял ошибки.

- Ань, прости, но то, что ты сказала, точно не на испанском.

- Точно-точно?

- Ага.

- А как тогда правильно?

Аня так вдохновилась, что стала невежливо тыкать во всё подряд.

- Ventana, bufanda, flor, coche, - говорила девушка. (окно, шарф, цветок, машина)

Вдруг она развернулась на пятках и серьёзно посмотрела на своего спутника снизу-вверх.

- Amor, - произнесла Аня и улыбнулась краешком губ. (любовь) Сердце почему-то ускорило бег.

Александр предпочёл ответить действием: тихая улыбка с девичьих губ была украдена самым вероломным образом прямо на улице. Это было и стыдно, и невероятно здорово, потому что, действительно, какая разница, кто смотрит, когда счастье не умещается внутри и светится в улыбке, во взгляде, звенит в голосе... И счастье это поделено на двоих, но меньше его вопреки законам точных наук не становится.

Потом они грелись в торговом центре. И надо же было им встать возле прилавка с ненужными, но милыми штуками...

- Молодой человек, купите девушке игрушку! - воскликнул ушлый мужичок и погладил по голове огромного плюшевого медведя.

- Саш, не надо, - прошептала Аня, стора в чувстве неловкости, как в огне.

Александр посмотрел на девушку. Потом на медведя. Снова на девушку.

- Саш, мы его не утащим, - увещевала Аня.

- Так у меня и маленькие есть! - вскричал вездесущий мужичок и полез под витрину. - Вот!

На свет были извлечены три маленьких медведя и два зайца с забавными хвостами.

- Выбирай, - просто сказал Александр.

Аня смутилась совсем.

- Ну... вот этот милый, - пискнула она, указывая на белого медвежонка с серыми глазками.

- Давайте нам вот этого, - попросил другой обладатель серых глаз.

- Спасибо, - Аня с Александром отошли от прилавка, и девушка набралась смелости, чтобы поцеловать.

Медвежонка чуть не забыли в кафе, потому что опять целоваться захотелось, и не через стол, а

по-нормальному. Правда, быстро вспомнили и вернулись.

***

- Я нашёл в твоих аудио замечательную песню, - заговорил Александр, - они, конечно все замечательные, но я считаю, что эта сегодня очень подходит. Потому что после твоего восторженного взгляда на моей лекции жизнь покатила непонятно куда, и я не собираюсь её останавливать.

И он запел... Господи, что он запел...

* I lose control because of you babe

I lose control when you look at me like this...*

===== 21.Мёд и корица или почему переезд был отложен. =====

- Ну что? - поинтересовался Александр. Аня оторвала взгляд от конспектов и непонимающе подняла брови. - Когда начнём перевозить твои вещи?

- Да в пятницу наверно. Как раз успею чего-нить собрать, - подумав, ответила девушка.

- Пятница - это хорошо, - протянул Александр, опустив расфокусированный взгляд в планы занятий. Проверил время и подумал, что пора бы мелкую первокурсницу отпускать домой.

Аня, как обычно, сидела на стуле рядом и сосредоточенно зубрила столбики иероглифов, тихонько бормоча себе под нос жуткую околесицу и двигая пальцами в такт. На записи упала длинная каштановая прядь, и девушка прервала свои действия, чтобы завести волосы за ухо. Она была похожа на ведьмочку-недоучку, которая превратила наставницу в мышь и учит отменяющее заклятие.

- Ань, - позвал Александр. Девушка тут же глянула на него, из ведьмы превращаясь в просто внимательную ученицу. - Скрывать отношения после твоего переезда - идиотизм. И я этим страдать не собираюсь.

Вот теперь Аня полностью стала собой: в глазах зажглось упрямство, потом отразился ворох каких-то

мыслей, и наконец всё поглотило какое-то безысходное спокойствие. Девушка скорчила гримаску и погладила Александра по руке.

- Как мне все будут завидовать... - весело протянула она.

- Они просто не знают, что завидовать нужно мне, - ответил мужчина. - И я этому рад.

Всё-таки, целоваться через стол неудобно. Убедившись в этом снова, Александр молча потянул девушку к себе, Аня так же молча к нему подошла и села на колени. После празднования дня Святого Валентина ей вообще становилось всё равно, как происходящее выглядит, и не подумает ли Александр что-нибудь плохое. У девушки просто не хватало соображения на подобные страхи, потому что что-то внутри начинало гореть. Это что-то категорически не хотелось тушить, и поцелуи требовались им обоим, как кислород при процессе горения. Ничего вокруг не было, было только это пылающее внутри, и казалось, что без него не будет и людей. Всё, чего Ане хотелось в такие моменты, - продолжать целоваться до сбитого дыхания,

обнимать и чувствовать тёплые руки на шее, на плечах, на спине... В пространстве повисло странное томное напряжение. Оно просачивалось под кожу, попадало в кровь и пьянило чувством вседозволенности.

Александр очнулся, когда девушка в его руках издала едва слышный стон. Она не делала это специально, просто звук вырвался из горла вместе с дыханием. Тёплая волна захватила мужчину, накрыла с головой и с невероятной силой припечатала о скалы реальности. Что и где они делают? Какой кошмар...

Александр с некоторым трудом отстранил от себя Аню и серьёзно посмотрел ей в глаза. В них промелькнуло столько всего, что мужчина едва не сорвался снова. Но Аня моргнула раз, другой, и с длинным выдохом спрятала лицо у Александра на плече. Её тело обмякло, словно она вместе с воздухом выдохнула свои силы.

- Саш. А давай, мы в пятницу не будем вещи... давай, ты лучше ко мне в гости придёшь. И ночевать останешься. И можно даже с вином, - пробормотала девушка достаточно громко, чтобы Александр смог услышать её за шумом крови, стучащей в висках. Секунд семь он пытался сосредоточиться и постичь смысл сказанного.

- Тогда уж лучше ты ко мне. И на этот раз без вина, - выдвинул мужчина встречное предложение, подозревая, что мозг играет злую шутку, и ничего такого Аня не говорила.

- Хорошо, - ответила девушка и коснулась губами рубашки Александра, пытаясь почувствовать кожу под ней.

Мужчина почувствовал, как всё его существо заполняется чувством облегчения и триумфа. Он ни о чём не просил и ни к чему не принуждал, даже пытался остановить Аню. Это было её желание, желание осознанное, которое девушка стремилась перевести в действие. Слова её отца, камнем висевшие где-то в груди Александра и тянувшие из тела жилы, были опровергнуты с треском. Дышать стало легче. Сейчас просто необходимо было сказать что-нибудь нелепое, иначе до пятницы они просто не дотянут.

- Испортил ребёнка, - проворчал Александр, разбирая и путая пальцами Анины волосы.

- Интернет, - закончила за него девушка.

- И как это получилось? - мужчина шевельнулся, показывая заинтересованность темой. Аня почувствовала его не спадающую заинтересованность не только темой, но и прерванным процессом, и чуть не застонала снова.

- Нашла в интернете интересную книжку с неожиданным поворотом сюжета, - девушка изо всех сил старалась говорить ровно.

- Это не про серые цвета?

- Пятьдесят оттенков? Где там неожиданный поворот? - фыркнула Аня.

- Не знаю, не читал, - признался Александр.

- И правильно, - Аня снова фыркнула.

- А ты читала, значит, - мужчина легонько дёрнул прядь волос в своей руке.

- Начало и конец, - честно ответила девушка.
- А середину? - Александр уже откровенно веселился.
- Из трёх страниц по одному абзацу.
- Интересный способ чтения, - Александр издал смешок.
- Как раз для неинтересной книги.

Конечно Аня слукавила. Прочла она гораздо больше, но вот в восторге от прочитанного действительно не была.

Александр чувствовал, как только что обрётённый мозг снова начал утекать, и судорожно думал, как этот беспредел остановить.

- У тебя в телефоне есть твои детские фотографии?
- Есть, - ответила Аня, удивлённая таким оборотом разговора.

- Давай посмотрим, - предложил Александр таким тоном, что девушка даже не стала спрашивать, зачем.

Чтобы дотянуться до телефона, ей пришлось встать.

- И сядь пожалуйста на стул, - чуть виновато попросил мужчина.

Аня спорить не стала, потому что «заинтересованность» Александра... Она несомненно радовала, будоражила, но ещё очень смущала. А ещё мокрое бельё - очень неприятная вещь.

- Вот это мы с мамой, - бессмысленно комментировала девушка, фотографии, которые «перифотографировала» из семейного альбома, - а это мы на отдыхе где-то. Я хотела раскрасить папе экран ноутбука фломастерами, а он показал мне Paint. Ой, а вот это до сих пор у бабушки на холодильнике висит...

Фотографии маленькой Ани закончились быстро, но за ними пошли снимки её обожаемых племянников. Александру стало легче ещё снимке на четвёртом. Ну кем надо быть, чтобы возжелать годовалую девчушку, сидящую у мамы на руках? После импровизированного слайд-шоу преподаватель и студентка чинно покинули обитель знаний, держась на максимально дальнем расстоянии друг от друга.

Три дня до пятницы почему-то дались Александру гораздо тяжелее, чем предыдущие три месяца. Оказалось, что от знания и представления, чего ты, собственно, ждёшь, процесс ожидания не облегчается, а становится просто таки невыносимым. Любое неосторожное слово или действие со стороны Ани вызывало закономерную, но несвоевременную реакцию. Заинтересованность, да.

- Ваше благородие, печеньку не желаете?
- Желаю, - ответил Александр.

Студенты спешно покидали аудиторию, Аня склонилась над сумкой. Вот зачем, спрашивается? Поиздеваться? Не похоже на неё. По крайней мере, по отношению к Александру девушка в юморе не допускала ни издёвок, ни агрессии. Оказалось, под стол карандашик закатился.

- Вот, - Аня протянула мужчине открытую пачку печенья. - Хочешь чаю?
- Хочешь не чаю, - пробормотал Граф, но печенье из пачки взял.
- Кофе нету, - повинулась Аня.
- А что есть? - поинтересовался Александр, облакачиваясь на свой стол.
- А что нужно? - тут же спросила девушка, вгрызаясь в свою печеньюху.
- Терпения, - ровно проговорил мужчина.
- Студенты достали? - Аня сочувственно качнула головой.
- Угу. Стоят тут, улыбаются, угощают едой. Ужасные студенты, - согласился Александр, пройдясь взглядом по фигуре девушки.
- Могу ещё печеньку дать, - несколько смущённо предложила Аня. Мужчина вздохнул.
- Ну давай.

***

Пятница. Всю пятницу Александр просидел, как на иголках, да и Аня чувствовала себя не лучше. Нет, она конечно знала, что долгосрочные отношения... однажды выходят на новый уровень, и даже была неплохо подкована в части теории. Но что с ней самой всё произойдёт на практике вот прямо сегодня... мозг был в шоке. Даже несмотря на то, что в четверг Аня сходила в салон красоты. А потом в магазинчик женского белья ещё... и вообще, хотелось, чего уж там. Хотелось не столько получить «неземное наслаждение», сколько стать с Сашей ближе, как можно ближе. Постараться дать это пресловутое наслаждение ему, человеку, которого очень хотелось сделать счастливым. Из хаоса подобных рассуждений рождался страх. Не страх боли, интернеты кричат, что в первый раз больно всем, но вам ведь, девоньки, рожать ещё, начинайте привыкать... Аня боялась, что Саше что-то может не понравиться. В процессе или в ней самой. Да мало ли вариантов трагичного окончания дня мог придумать мозг с развитой фантазией?..

После окончания пар Аня поднялась в аудиторию Александра. Лицу было жарко, остальному организму холодно, ноги заплетались, и во всём теле чувствовалась неестественная лёгкость, одновременно дополненная слабостью. Хотелось сесть прямо на пол и уснуть или, наоборот, подпрыгнуть до потолка.

- Идём? - бодро спросил Александр, уже поворачивающий ключ в железной двери.
- А мне домой зайти надо, - промямлила Аня, чувствуя себя дурой.
- Зачем? - мужчине стало действительно интересно, нахре... зачем.
- За вещами, - честно ответила девушка. Ну не тащить же пижаму с зубной щёткой в универ, когда квартира в шаговой, так сказать, доступности.

Александр посмотрел на привычно-непривычную Аню с горящими щеками и блестящими глазами, переминающуюся с ноги на ногу, будто готовящуюся бежать по ступеням вниз, и понял, что без вина они сегодня всё-таки не обойдутся. Он заставил себя тепло улыбнуться, внушая себе и девушке, что ничего особенного не происходит, хотя что-то зудело в кончиках

пальцев. Такой зуд наверняка ощущали волки, видя петляющего по снегу зайца, перед тем как совершить прыжок. Вот только Александр сегодня волком не был, и зайчонка нужно было не ловить, а ждать, чтобы сам пришёл. Поэтому нужно было улыбаться, а не хмуриться.

- Тогда я зайду в магазин. Как ты относишься к глинтвейну? – мужчина подумал, что это не так пошло и избито, как просто алкоголь, более уютно, и Аню точно не унесёт. Если, конечно, она не зальётся глинтвейном по брови...

- Как Колумб к Америке, - усмехнулась девушка, теребя лямку сумки на плече.

- То есть? – Александр на всякий случай насторожился и чуть-чуть ускорил шаг, чтобы зайти вперёд и поймать, если Аня всё-таки поторопится на лестнице и вознамерится упасть.

- То есть знаю, что это как-то связано с вином, но на в жизни ещё не сталкивалась.

- Сегодня столкнёшься, - пообещал мужчина, помогая студентке надеть куртку.

Они расстались у здания университета, и пошли в разные стороны, то и дело оборачиваясь друг на друга. В квартире Аня надела своё недавно купленное кинула в рюкзак пижаму, зубную щётку, смену одежды, кошелёк... подумав, запихнула ещё блокнот и пенал с карандашами. Она посмотрела на своё отражение в зеркале, поправила зауженные чёрные брючки, перевязала шейный платок, поддёрнула рукава песочно-жёлтой курточки... скорчила зеркалу страшную физиономию.

- К путешествию готова! – она отдала отражению честь (из вредности левой рукой) и вышла из квартиры, придерживая лямку рюкзака на плече.

Метро девушка помнила смутно. В нём было очень много людей, как и должно быть в пятницу. Аня толпу не выносила физически. Она вставила в уши наушники и включила музыку погромче, аккуратно встав у сидений. Рюкзак оказался прижат к стеклу, и так стоять было вполне удобно. Анина музыка никому не мешала, потому как была, всё же, не настолько громкой, её даже почти не толкали. Но из метро она всё равно вышла, живая только наполовину. Толпа всегда так влияло на неё, девчонку из деревни, в детстве бегавшую по полям и прятавшуюся в сене. Каждый человек, примкнувший к толпе, словно забирал у Ани немного жизненной силы. Все они, возмущённые или тихие, откусывали от неё по кусочки, и девушка чувствовала себя обглоданным скелетом. Какое там волнение? На него банально не хватало сил.

Едва Александр открыл дверь, Аня ухватила его за руку. А пройдя в квартиру и сбросив рюкзак, молча обняла мужчину и вжалась в него, как будто хотела спрятаться под защитой его грудной клетки. От Александра веяло спокойствием. Часы на стене ровно тикали, показывая без пяти минут шесть часов. Вий подошёл и великодушно потёрся боком о девичью ногу, спеша по каким-то своим делам.

- Что случилось? – мужчина погладил Аню по голове и попытался мягко отстранить от себя, но девушка не далась.

- Много людей, - пробормотала она, вдыхая непривычный запах, которым пропиталась домашняя одежда Саши. Корица, вино, апельсин...

- Так плохо тебе ещё не было, - с беспокойством заметил Александр.

- Ну ты же не можешь видеть меня, когда я иду без тебя, - аргументировала Аня, путаясь в словах.

- А со мной не так?

- А с тобой везде хорошо, - ответила девушка. Она на мгновение прижалась к Александру сильнее, а потом отпустила его и стала разуваться.

Александр принял к сведению новую информацию, попутно помогая Ане снять верхнюю одежду и определить на высокую вешалку, которую девушка называла «Вешалкой дискриминации». Аня ступала вглубь квартиры, на кухню, и с каждым шагом чувствовала себя всё более живой.

- Пахнет вкусно, - отметила она уже более бодрым голосом. - Чем можно помочь?

Александр облегчённо выдохнул и улыбнулся. Вий по-хозяйски запрыгнул на стол и ткнул носом в лежащий на краю стола лимон. Оглушительно чихнул.

- Я только что поставил вино на огонь. Можно забрасывать специи и фрукты и залить каркаде.

- Со злобным смехом? - подмигнула совсем ожившая Аня и отправила в рот схваченную со стола маленькую дольку яблока. - У-ха-ха-ха-ха! - она, не спрашивая у кота разрешения, почесала его за ухом и получила в ответ охреневший «мурк».

Мужчина рассмеялся, отобрал у неё вторую дольку и съел сам. Аня шутливо возмутилась, но тут же протянула ему третью, и Александр её тоже съел. Прямо из рук девушки. Ане стало жарко. И дыхание «в зубу» спёрло конкретно так. Убирая свою руку девушка провела пальцами по руке Александра от локтя вниз, к запястью, где из-под мягкой клетчатой ткани рубашки выступала тёплая кожа, прекрасная своим несовершенством, знакомая маленькими шрамиками и белыми пятнашками давнишних ожогов, грубой шероховатостью и мягкой ласковостью касаний.

- Что сначала, яблоки, специи или каркаде? Кстати, зачем в глинтвейне каркаде? - спросила Аня, спешно отдёрнув пальцы, когда руки Александра дрогнули.

Он не мог успокоить реакции тела, он ждал этих прикосновений три долгих дня, а до того ещё несколько месяцев, и сейчас всё казалось ему острее, нежнее, важнее. Положение спас Вий, уронивший со стола вилку.

Страхи, преследовавшие Аню весь день, не возвращались. Их вытеснило долгожданное ощущение спокойствия и защищённости, подаренное Александром после суматохи метро.

- Не знаю, зачем. В рецепте есть, - мужчина, сохраняя безмятежное выражение лица, взял со столешницы телефон с рецептом. - Да, каркаде идёт первым.

Он указал Ане на заварник, и она принялась старательно и осторожно выливать содержимое в кастрюлю с вином. Александр на всякий случай заварил большее количество чая, чем было в рецепте, опасаясь, что Аня всё-таки поплывёт.

После мужчина добавил в таинственное варево несколько ложек мёда, а Аня вероломно украла у него ложку, решив доесть то, что на ней осталось. И пусть она отвернулась, от Александра, ему вполне хватило воображения, чтобы представить тёплые губы, прикасающиеся к разогретому металлу, собирающие с него сладость, которая попадёт на язык и заставит

облизнуться...

- Яблочко ещё украдёшь? – Александр всеми силами отвлекал её и себя заодно. – А то я закину.

Аня утащила дольку, откусила и решила поделиться с Сашей. Он с удовольствием съел подношение и зачем-то глянул девушке в глаза, забирая яблоко из её руки. Аня с трудом вдохнула и принялась сама закидывать ломтики яблок и апельсинов в кастрюлю, напоминая себе, что чёртов глинтвейн надо всё же доварить, и съесть что-нибудь было бы неплохо. Аппетита не было. Александр подошёл к девушке со спины, засыпал в вино несколько ложек корицы, бросил гвоздику, вручил Ане звёздочку аниса и палочку ванили. Ох, и долго же он эту ваниль искал...

- А где же злобный смех? – спросил мужчина, наблюдая, как ингредиенты исчезают в бордовой жидкости среди фруктов. Он невзначай положил руку девушке на правое бедро, бедро качнулось ближе к его ладони.

- Потерялся, - ляпнула Аня чувствуя жаркое стыдное желание податься назад, ближе к телу Александра. Где-то на заднем плане Вий шуршал украденной звёздочкой аниса.

- Будем искать? – мужчина согрел своим дыханием Анин затылок, наклонившись. Он чуть увеличил огонь на плите и опустил левую руку девушке на талию. Тонкая шёлковая блузка под пальцами практически не ощущалась, но сам факт её наличия раздражал невероятно.

- Не будем, - отказалась Аня, накрывая своими ручками руки Александра.

- А что будем делать? – поинтересовался мужчина. Аня молчала, и он понял, что для таких загадок ещё рано. Как-нибудь потом успеется... - Минуты через три глинтвейн будет готов. К нему есть пирог. Будешь?

- Буду, - согласилась девушка, не зная, что ещё можно было бы ответить. Ей казалось, что она уже пьяна без вина и глинтвейна, одним тем чувством, которое росло и скручивалось в ней.

Аня убрала со стола остатки фруктов, доску и ножи, Александр достал из холодильника небольшой пирог с орехами и хвостик колбасы для Вия. Орехи и мёд Аня с Сашей любили одинаково. Пока девушка ковыряла ложкой свой кусочек кушанья, Саша снял глинтвейн с огня. Аня смотрела, как он, сверяясь с рецептом, процеживает напиток, разливает его по кружкам, ставит их на стол, стараясь не обжечься, и в её груди разливалось тепло, тягучее и сладкое, как любимый мёд. Саша, такой домашний, уютный, простой. Кот помечает её брюки своей шерстью. И всё так просто. Всё так, как должно быть.

Девушка нетерпеливо встала и сама подошла поближе к кружкам. Над тёмной поверхностью жидкости вился пар, наполненный запахом специй. Аня осторожно взяла свою кружку, принялась и сделала маленький глоток. По горлу прокатился жар, несущий в себе терпкость вина, вкус фруктов и послевкусие гвоздичной корицы на языке. Александр тоже взял свою кружку, но не донёс её до лица, остановленный тихим восторженным стоном, раздавшимся совсем рядом. Аня открыла блестящие глаза и посмотрела на мужчину.

- Вкусно, - поделилась она.

- Да? – глупо спросил Александр, продолжая стоять с поднятой кружкой.

Аня едва успела сделать второй обжигающий глоток, как оказалась прижата к жёсткому телу, отдавая в поцелуе и медовую сладость, и винную терпкость, полученную от напитка. Её глаза

закрылись сами собой, рука вслепую нашарила край столешницы и отставила что-то тяжёлое, мешающее обнять. Воздуха очень скоро стало не хватать, хотелось быть ближе и получить больше. Александр изучал руками её спину, сминая блузку и чувствуя, как под нежной тёплой кожей двигаются лопатки с выступают позвонки. Большие ладони опустились ниже и чуть сжали ягодицы. Аня коротко, высоко простонала, послушно встав на носочки, чувствуя, как в ней всё переворачивается. Пальцы её правой руки в черных волосах, а левая опустилась к груди Александра, где гулко и быстро билось сердце, и поднялась к напряжённой шее. Мужчина поднял голову и быстро осмотрелся, пытаясь сообразить, в какую сторону нужно двигаться. Его руки с нажимом провели линию на девичьей спине и разошлись в стороны на пояснице, прижимая не властно, но без всякого сомнения в своём праве. Александр встретился глазами с Аней и не нашёл в них страха, только бледную тень неуверенности, тающую под наплывом чувств. Он снял руку девушки со своей шеи, сделал шаг. Мягко потянул за собой. И Аня пошла.

Александр провёл девушку в спальню, захлопнув дверь перед самым носом Вия. Шторы на окнах были задёрнуты. Мужчина нащупал и зажёл стоящую на комодке небольшую лампу, ни на секунду не переставая прикасаться к Ане. Он остановился у постели и слабо потянул её блузку наверх, согрев теплом своих рук оголившуюся кожу живота, целуя и покусывая сладкие от мёда губы. Аня дрогнула и потянулась к пуговицам, расстёгивая их от горла вниз. Ей становилось не по себе, и она действовала назло нелепым страхам, появившимся так не вовремя. Александр не помогал ей с блузкой, скорее мешал, оглаживая спину и плечи, снова сминая края шёлка и поднимая ткань к рёбрам, скользя по коже холодной тканью и горячими руками. Девушка механическими движениями расстёгивала блузку, медленно, но верно, жадно отвечая на поцелуй. Александр стянул рукав сначала с её левой руки, затем с правой. Блузка тихо шелестела, опускаясь на пол, сопровождаемая Аниным громким вздохом. Александр положил ладони ей на поясницу и на грудь, закрытую чёрным бюстгалтером. Мужчина пробежал пальцами по краю кружева, слушая как дыхание Ани становится чаще и громче. Он нашёл её руки и положил себе на плечи, безмолвно прося снять с него рубашку. Пальцы девушки снова механически задвигались. Она чувствовала, как натяжение лямок её бюстгалтера ослабевает, и как он повисает на плечах и съезжает к локтям, обнажая молочно-белые полушария груди с напряжёнными сосками. Александр с внутренним удовлетворением отправил милый, но ненужный сейчас атрибут одежды к блузке, и Аня продолжила расстёгивать его рубашку, пуговицу за пуговицей, открывая подтянутое, худощавое тело с безволосой грудью и едва заметными кубиками пресса.

Мужчина рывком стащил с плеч рубашку и прижал Аню к себе, наконец-то чувствуя её кожу своей, и её маленькие вставшие соски. Девушка в его руках тихо вскрикнула, и Александр почувствовал то же удовлетворение, будто в нём долго жил неутолимый голод, и сейчас был найден способ насытиться. Мужчина проложил дорожку поцелуев от покрасневших и припухших губ к ушку, особенную форму которого заметил только сейчас, и прикусил мочку, одновременно с этим кружа пальцами над поясом брючек. Продолжая нежно истязать ушко своей жертвы, радоваться её стонам и поддаваться ласковым ручкам, Александр тихо потянул собачку молнии. Брюки сами съехали вниз по девичьим ножкам. Видя бездействие со стороны Ани, мужчина надвинулся на неё своим телом, вынуждая сделать шаг назад. И ещё один. С тихим ойканьем девушка опустилась на край кровати и почувствовала дискомфорт, связанных с чёрными трусиками, скользкими и мокрыми насквозь. Александр, не дав ей опомниться, потянул кусочек сёрной ткани вниз, успокаивающе погладив икры ног и поцеловав коленку. Затем он быстро снял штаны и бельё с себя и плавным движением приблизил своё лицо к лицу Ани. Мужчина взгляделся в её глаза, боясь отыскать в них ужас или гнев, но обнаружил смятение, которое поборола сама Аня, порывисто потянувшись за поцелуем. Александр

коснулся губами губ девушки и так же взглядом попросил её отодвинуться дальше. Аня послушалась, действуя будто под гипнозом, но стоило мужчине посмотреть ниже её лица, она остановилась, обуреваемая смущением. Смотреть исключительно в чуточку испуганные карие глаза было крайне сложно, но Александр как-то справился. Голова девушки коснулась подушки, и мужчина накрыл её тело своим, снова целуя в губы. Слова остались за дверьми спальни, из не хотелось произносить сейчас, и Александр успокаивал Аню своими прикосновениями, одновременно сводя её с ума.

Теперь он мог рассмотреть всё так близко, как хотел. Светлая кожа контрастировала с тёмно-синим хлопком и казалась ещё нежнее и светлее. Александр потёрся носом о шею девушки и накрыл горячими ладонями её грудь, осторожно сжимая и оглаживая. Аня, потерявшаяся от невероятно сильных ощущений, от сносящей голову близости, удивлённо ахнула и выгнулась навстречу прикосновениям. Мужчина опустил медленными смакующими поцелуями от её шеи к груди, заставляя себя не торопиться. Он поцеловал мягкие груди, приласкал языком розовые горошины сосков, чуть посасывая и нежно прикусывая их и слушая тихие стоны. В Александре на секунду проснулось весёлое чувство собственника, и она надолго прижался губами к левой груди, оставляя на коже засос, который должен быть виден ровно над линией бюстгалтера. Аня, скорее осознав, чем почувствовав то, что чувствовал мужчина, зарылась пальцами в волосы у него на затылке и обняла за шею, словно одобряя.

Александр снова поднялся выше, целуя девичью шею и плечи, очерчивая языком впадинки над ключицами и ненавязчиво разводя шире белые бёдра. Он без остановки гладил и сжимал в руках гибко извивающееся тело. И когда Аня совсем потерялась, простонав особенно громко, инстинктивно раздвинув ноги и почти ломаясь пополам, мужчина вошёл в её податливое тело. Аня вскрикнула от боли и напряглась, замерев в неестественной позе. Александр запрокинул голову, не сдержав глухого стона удовольствия. Было горячо и узко. Обжигающе горячо и потрясающе-невозможно узко. Из-за своего смущения Аня не успела хорошо рассмотреть тело мужчины и его член. Сейчас ей казалось, что достоинство Александра просто огромно. В уголках глаз девушки начали закипать слёзы, она сжалась и притянула мужчину к себе, пытаясь найти облегчение в поцелуях. Александр шумно выдохнул, поцеловал Аню в нос и осторожно вышел. Девушка открыла глаза и посмотрела на него удивлённо и вопросительно.

- А ты думала, я тебе сейчас марафон устраю? – мягко усмехнулся мужчина и снял с тёмных ресниц одинокую слезинку, за которую последовали новые. Его мелко потряхивало, оставаться без движения было невыносимо. Член сочился капельками густой терпкой смазки и почти болел. – Я сейчас пойду в душ, а ты в ванную, приводить себя в порядок, – постановил Александр и ещё раз поцеловал Аню в нос, такое у неё удивлённое было лицо.

Он встал и направился к выходу из комнаты. Твердокаменный член покачивался при каждом шаге. Уже открыв дверь, Александр обернулся, окинул девушку по-настоящему плотоядным взглядом и поспешно вышел. За что он особенно любил эту квартиру, так это за то, что помимо ванной в ней имелся туалет с душевой кабинкой.

Аня, оглушенная болью и скоростью, с которой события сменяли друг друга, встала и на автопилоте пошла в ванную, чувствуя, как по бедру тонкой струйкой побежала смазка, смешанная с кровью. Это ощущение заставило девушку двигаться быстрее.

Услышав шум воды за стенкой, Александр представил себе мокрую Аню с опухшими из-за него губами и засосом на груди и едва не взвыл. Едва ли не впервые он презрел успокоительный ледяной душ и решил прибегнуть к помощи своей правой руки.

Аня старалась не думать о том, что Александру могло не понравиться, предпочитая

размышлять о том, что он сделал бы, если бы остался. И что она сможет сделать завтра. Завтра...

Когда девушка вернулась в спальню в огромном мужском халате, найденном в ванной, пододеяльник уже был сменен, а Саша стоял у шкафа в любимых штанах и натягивал майку. Увидев Аню он улыбнулся и предложил всё-таки допить глинтвейн с пирогом. Аня согласилась. Её рюкзак в это время изучался Виём как снаружи, так и изнутри.

- Ну всё, теперь я буду Чупокаброй, - уныло предрекла девушка, рассматривая свою футболку, покрытую чёрно-белой шерстью.

- Ты будешь чудовищно милой чупокаброй! - расхохотался Александр, приобнимая её за плечи.

Вий был доволен, он тоже пометил двуногую хозяина. Александр же находился в превосходном настроении. Зайчонок всё-таки пришёл к охотнику сам и попался, ой попался... Аня тоже к своему удивлению ощущала странную бодрость. И думала о завтра.

mir-knigi.org